

Марина Эльденберт

LINE • DO NOT CROSS

ЖЕРТВА

PO

POLICE LINE

Марина Эльденберт

Жертва

<https://litres.ru/74207234>

Аннотация

Хилари отведена участь подопытной в секретной лаборатории, но ее муж не из тех, кто сдается на милость судьбы. Чтобы спасти приемного сына, Беатрис готова на все, но выбор, который ей предстоит, не из легких. На Острове, где проводятся бесчеловечные эксперименты, все нити сойдутся воедино. Что принесет завтрашний день — любовь или предательство, гибель или спасение, лекарство от любого заболевания или биологическое оружие, способное навсегда изменить мир?

Содержание

Пролог	4
Часть 1. Беглецы. 1	7
2	12
3	19
4	25
5	34
6	40
7	47
8	53
9	66
10	72
11	77
12	82
13	89
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Пролог

Нью-Йорк. Март 2013 г.

Джерри Рамси толком и понять ничего не успел. Раздался странный звук, у него заложило уши, а следом одна из жилых высоток дрогнула, как от толчка исполинской руки, и начала оседать. Грохот обрушивающегося здания и крики людей слились воедино. Он искренне порадовался, что в паре кварталов решил свернуть и сейчас находился на соседней улице.

Джерри метнулся в ближайшую подворотню, накрывая голову руками и молясь всем ныне существующим богам — несмотря на то что был атеистом — чтобы его это не коснулось. Люси просила проводить ее домой, и ему пришлось тащиться в Ист-Виллидж. Он рассчитывал заняться с ней сексом, а девчонке, которую хочешь затащить в постель, отказывать нельзя.

Террористы, конечно это были террористы, кто же еще! Весь мир ополчился на Штаты, как будто каждый американец лично нес ответственность за действия их политических лидеров. Оставалось надеяться, что бомба одна, и что соседние домики не начнут складываться на манер карточных.

Джерри опрометью бросился вперед, не отдавая себе отчета, что бежит к месту взрыва, налетел на спешащую женщину с пакетом в руках. Продукты посыпались на асфальт,

но та даже не остановилась. Взгляд его упал на то, что еще недавно было жилым домом: дымящаяся груда развалин, пляшущие языки пламени, из которых торчат уродливые остовы арматур.

Не обращая внимания на крики, возбужденные голоса и вой сирен, Джерри перешел улицу. Рядом уже начинали собираться зеваки. У него есть время до приезда полиции и спасателей, чтобы получить неплохое видео: трагедия всегда привлекает внимание.

Джерри достал новенький айфон и включил камеру. Пришлось подойти поближе — ночью снимать тяжелее. Кто-то из собравшихся звонил в девять-один-один, кто-то, как завороченный, замер у окон с выбитыми стеклами. Жители соседних домов выбегали на улицы.

Джерри решил отойти в сторону. Он видел воронку провалившегося фундамента и изуродованный обломок стены. Рамси увеличил изображение. Видео соберет тысячи просмотров, если он доберется до дома быстро и успеет выложить его первым. В объектив попал парень, который тоже снимал: ему удалось подобраться ближе, и Джерри разочарованно прицокнул языком. Вид на воронку оттуда явно лучше.

— Больные ублюдки! — донеслось из-за спины, и Джерри, не оборачиваясь, вскинул руку со средним пальцем. Он еще приблизил картинку и замер.

Пласт обломка, лежавший рядом с воронкой у самой сте-

ны, шевельнулся. Еще и еще раз, а потом из-под полуразвалившейся плиты, весом не меньше тонны, вылезло Нечто. Выживший! Теперь Джерри не отказался бы выключить камеру даже под угрозой выстрела в упор, и он по-прежнему злился на счастливику, которому удалось подобраться с той стороны.

Клубы дыма взметнулись под порывами ветра. Камера сфокусировалась на человеке со слипшимися длинными волосами. Тот оттолкнул тяжелый пласт бетона и прыгнул. Джерри Рамси больше не завидовал типу, оказавшемуся в непосредственной близости от воронки. Он бежал прочь, прижимая айфон к груди, забыв выключить запись. Последнее, что Джерри увидел — как существо набросилось на парня и вцепилось в горло. Рамси казалось, что даже через вой сирен, треск пылающих обломков и свист ветра в ушах, он все еще слышит крик, полный первобытного животного ужаса.

Часть 1. Беглецы. 1

Торонто, Канада. Апрель 2013 г.

Хилари собирала вещи, нисколько не заботясь о том, как они будут выглядеть: сгребала из шкафа все без разбора и швыряла в раскрытый зев чемодана. Наткнувшись на серебристо-серое коктейльное платье, она на мгновение замерла, потом резко сдернула его с плечиков. Ткань жалобно треснула. Хилари вздрогнула, как будто обожглась, попятилась, прижимая платье к груди, как нечто бесценное. В нем она была в тот вечер, когда Джеймс сделал ей предложение.

Как их чувства могли превратиться в то, что происходит между ними сейчас? Как два любящих человека становятся чужими? Она не хотела перечеркнуть все, не хотела, чтобы они пришли к тому, от чего ушли. Чтобы превратились во врагов. Ей будет нелегко, но со временем она привыкнет к жизни без него.

В последние месяцы Джеймс проводил больше времени на работе, в пожарном депо. Она же собирала в комнатах дома частицы воспоминаний о том, каким ей представлялось совместное будущее.

Дело было даже не в том, что Джеймс не хотел ребенка, не в граничащей с безумием зависимости от опасности, которую он компенсировал на работе. Дистанция, установлен-

ная с первой встречи, не сокращалась. Он по-прежнему не пускал ее в свою жизнь — так, как ей того хотелось. Для кого-то это могло показаться несущественной ерундой, но Хилари хотела говорить с мужем обо всем, что его тревожит. О том, что беспокоит ее.

Ссора стала постоянной спутницей их семейной жизни, и если Джеймс предпочитал держать чувства и мысли при себе, то Хилари высказывала все напрямик. Она не хотела превращаться в истеричную домохозяйку, которая постоянно требует внимания мужа. Хилари хотела начать новую жизнь, а Джеймс по-прежнему сражался с внутренними демонами. Она не могла ему помочь, потому что он отказывался говорить с ней.

Полтора года назад ей чудом удалось выжить, и Хилари показалось, что Джеймс начинает открываться, но все быстро вернулось на круги своя. Работа стала его отдушиной, единственным, что делало Джеймса счастливым. Опасность была для него стилем жизни.

Хилари вернула платье на плечики: его она совершенно точно с собой не возьмет. Билет должны были доставить с минуты на минуту, вылет через восемь часов. Оставалось еще кое-что важное — попрощаться. Она не хотела устраивать трогательных сцен с выяснением отношений, но и уйти просто так не могла.

Хилари спустилась в кабинет и достала бумагу из принтера. Она хотела отвлечься от сборов, успокоиться, чтобы вы-

разить словами все, что лежало на душе.

«Джеймс, мы привыкли называть вещи своими именами, и этот случай не исключение. Мне трудно об этом говорить, но наши отношения себя исчерпали. Долгие месяцы я пыталась пробиться к тебе, но у меня больше нет ни сил, ни желания. Что бы ни осталось в твоём прошлом, оно по-прежнему разделяет нас. Сейчас — гораздо больше, чем в начале наших отношений. Я думала, что справлюсь, но ошиблась. У меня не получается тянуть за двоих. Пришло время поставить точку».

Хилари перечитала написанное и поразились тому, как скупое и сухо звучат слова. Разве такого объяснения заслужил человек, который вытащил ее с того света? Хотела скомкать бумажку, выбросить в мусорное ведро и начать с начала, но остановилась. Так лучше.

Хилари поежилась: Джеймс опять оставил окно открытым, и в кабинете было прохладно. Она повертела ручку, собираясь с мыслями.

«Если ты решишь перешагнуть через прошлое, разделяющее нас, я буду ждать тебя там, где мы встретились впервые. Через неделю, в полдень. Возможно, мы еще сможем все вернуть. Подумай, Джеймс, готов ли ты к этому, и я подумаю тоже. Я приду на встречу в любом случае, но если тебя не будет, я пойму».

Она отложила записку и молча сидела за столом, вспоминая каждый день, проведенный в их доме, о том, как приез-

жали смотреть его, как вместе занимались обстановкой и ремонтом. Тогда они еще все делали вместе. Хилари действительно хотела, чтобы этот дом стал началом для их семьи. Для того, чего они оба лишились.

В рамке на столе стояла их свадебная фотография. Они поженились, затем был ужин в ресторане, незабываемая ночь, а на следующий день Джеймс вернулся к работе. Она знала о том, что муж не согласится уехать, но все равно была разочарована. Пару дней вдали ото всех они вполне могли себе позволить, но он счел это лишним. Хилари не стала возражать — это казалось мелочью. Все проблемы в отношениях начинаются с мелочей.

Она заскочила в ванную, чтобы принять душ, переодеться и накраситься. Отражение в зеркале не порадовало. Бледное лицо в обрамлении длинных темных волос выглядело худым, а круги под глазами дополняли не слишком привлекательный образ. Оно и неудивительно: в последние дни Хилари почти не спала. Решение уйти от Джеймса далось ей нелегко.

Хилари быстро собрала вещи, надела джинсы и водолазку. Она упаковала чемодан, проверила документы и бросила взгляд на часы. Надо бы напомнить диспетчеру службы доставки, что самолет ее ждать не будет. Только Хилари собралась набрать номер, как эхо звонка разнеслось по дому.

Курьер оказался крепко сбитым коротышкой с ежиком темных волос и тонкой проседью на висках. В его движениях чувствовались уверенность и сила, а во взгляде — жесто-

кость. Жесткость не спутаешь ни с чем. Хилари про себя подумала, что такие люди обычно сидят в креслах больших боссов, а не развозят авиабилеты.

— Вы долго, — произнесла она, протягивая ему наличные, — сдачи не надо.

— Сейчас повсюду пробки, — он взял деньги и улыбнулся, — спасибо.

Хилари собиралась уже закрыть дверь, но курьер шагнул вперед.

— Мне нужна ваша подпись, а я забыл ручку.

— Минуту, — непонятно почему, он вызывал у Хилари раздражение, и она вдруг разозлилась на себя. Если ты решила разойтись с мужем, это еще не повод бросаться на людей, как цепная собака. Она повернулась к нему спиной, и уловила быстрое движение, а следом — мгновенный укол в шею. Хилари пошатнулась, инстинктивно вдохнула, перед глазами все поплыло. Мужчина перехватил ее, не давая упасть, и Хилари безвольно обвисла в руках незнакомца. Она еще пыталась вглядываться в расплывающиеся черты, но быстро провалилась в темноту.

Атланта, США — Торонто, Канада. Апрель 2013 г.

Джеймс договорился встретиться с Корделией в аэропорту Хартсфилд-Джексон. Какие-то демоны занесли эту ведьму в Атланту. Сестрица Хилари моталась по всему миру. Когда она в перерывах между всеми своими проектами успевала жить, оставалось загадкой.

Он поудобнее перехватил сумку и встретился взглядом с миловидной блондинкой, стоявшей рядом на эскалаторе. Девушка очаровательно улыбнулась и кокетливо положила руку на поручень, легко коснувшись его пальцев.

— Извините, — она не торопилась убирать ладонь и смотрела ему прямо в глаза. В ответ Джеймс продемонстрировал вторую руку и кольцо на пальце. Блондинка повела плечом и отвернулась. Принципиальностью сейчас мало кого привлечешь, хотя на внимание женщин Джеймс никогда не жаловался. Высокий, с темно-русыми волосами и пронзительно-пристальным взглядом светло-серых глаз, он пользовался успехом. Для него же существовала только одна женщина. Хилари.

Джеймс отыскал Корделию взглядом. Она выглядела отлично: средний рост компенсировала высоким каблуком, строгий костюм и блузка кремового цвета, гладкие тем-

но-каштановые волосы, прекрасная фигура. Особенно пора-
жал взгляд знакомых карих глаз — жесткий, цепкий, хищ-
ный. Хилари по сравнению с ней выглядела девчонкой.

— Джеймс.

— Корделия.

С молчаливого согласия друг друга они направились в ка-
фе. Их отношения были далеки от родственной приязни и
теплоты, но ворошить прошлое Джеймс сейчас не собирав-
ся, не затем он здесь.

— Итак, — произнесла Корделия, когда они с Джеймсом
устроились за столиком и заказали по чашке кофе.

Вместо ответа он достал из кармана куртки сложенный
вчетверо листок и протянул ей. Корделия равнодушно про-
бежала записку глазами и вернула ее — швырнув на столик.

— Тебя кинули, — ее комментарии отличались лаконич-
ностью, а вот с дипломатией иногда возникали проблемы.
Джеймс предполагал, что последнее относилось к нему и
еще нескольким избранным. Иначе ему сложно было пред-
ставить, как ей удалось занять такой высокий пост.

— Не уверен, — ответил Джеймс. С каждой новой встре-
чей ему виделось все меньше сходства с Хилари. Он пора-
жался, как эти двое могли родиться сестрами. Тем более
близнецами.

— Достойный ответ бывшего детектива.

Джеймс усмехнулся.

— Достойный ответ бывшего лидера инквизиции.

— Между тем как ты входил в ее ряды и несколько не гнушался методами. Я бы даже сказала, во многом обошел всех нас, — Корделия побарабанила пальцами по столу и отпила кофе.

Джеймс не собирался спорить или оправдываться. Много было, но это осталось в прошлом.

— Хилари обещала прийти, но ее там не было. Я прождал сутки, — произнес он, наконец-то встречаясь взглядом с Корделией, а не с невидимым собеседником за ее спиной.

— Она могла передумать.

— Не могла. Я знаю Хилари, и знаю, что если она обещала, она бы пришла. Ее телефон выключен, я звонил ей с того момента как прочел записку. Последний раз — пару часов назад. Что-то случилось.

— Ее сбила машина?

Он пропустил шпильку мимо ушей.

— Мне нужны *твои* связи, — сказал он. — Хилари не могла исчезнуть просто так, и я хочу знать, что произошло. Ей наверняка нужна помощь.

— Когда мы разговаривали по телефону, ты сказал, что это уже не имеет значения.

— Я передумал.

— Почему? — Корделия посмотрела на его чашку. Джеймс не прикоснулся к кофе, хотя за трое суток спал всего часов восемь. Ему не привыкать, но без стимуляторов сейчас было тяжело.

— Я считаю, это связано с нашим прошлым.

— Интуиция — удел домохозяек, помешанных на эзотерике.

— Ты поможешь или нет?

Корделия хмыкнула, допила свой кофе и кивнула.

— Приведешь мне хотя бы одно доказательство, подтверждающее твою теорию — получишь доступ ко всем ресурсам, которые есть в моем распоряжении. Ориентироваться по твоим предчувствиям — уволь.

— Ты и пальцем не пошевелишь ради сестры?

— Моя сестра решила тебя бросить, Джеймс. — Корделия поднялась. — Все, что мне сейчас нужно — дать ей возможность от тебя отвязаться. Завтра у меня переговоры по серьезному контракту, через три часа я улетаю.

— Хорошо, — сказал он, поднимаясь вслед за ней, — если я добуду доказательства, ты поможешь?

Она пожала плечами и взяла сумочку.

— Джеймс, когда мы с тобой только познакомились, ты был редкостным занудой, и с тех пор совсем не изменился. Я от своих слов не отказываюсь. Всего хорошего.

Он вернулся домой следующим рейсом, позвонил на работу, сказал, что не сможет выйти, потому что по-прежнему болен. О том, что произошло у них с Хилари, не знал никто. Сидя в кабинете, Джеймс смотрел на их свадебную фотографию. Из всего представленного альбома они выбрали именно эту. Хилари, уже без фаты, улыбалась, обнимая его,

а он смотрел в объектив.

Джеймс вернулся домой после ночной смены и не обнаружил вещей Хилари. Ее телефон был выключен. Он не сразу заметил записку: по всей видимости, порыв ветра сбросил ее со стола. Почему Хилари не остановила даже эта фотография? Что он такого сделал, чтобы все перечеркнуть?

Разве что отказывался говорить о прошлом, но об этом, демоны его разбери, он не хотел говорить даже с самим собой. Да, временами его накрывало, и он уходил в себя. Джеймс мог предположить, что спусковым крючком стал момент, когда он чуть не погиб во время пожара.

Он никогда не предполагал, что у него будет дом. Пару лет назад Джеймс вообще сомневался, что у него будет семья. Все его время занимала работа, он жил ей. До тех пор, пока не встретил Хилари. Она захотела ребенка, но ему было не до этого. Джеймсу казалось, что он не готов. Это стало второй серьезной проблемой в их отношениях. Третья — нежелание говорить с ней. Чем больше Хилари давила, тем больше он закрывался. Их отношения превратились в ад.

Джеймс знал, как подделываются улики. Если бы некто действительно захотел скрыть исчезновение Хилари, это был идеальный момент. Джеймс был уверен, что записку написала она. Раньше он увлекался графологией, но пригодилось ему это только сейчас. Отличить почерк человека, который просто расстроен от того, который пишет под дулом пистолета, труда не составит. Она действительно собиралась от него

уйти. Значит, что-то произошло уже после.

Джеймс привык доверять чутью. Было время, когда оно не раз спасало ему жизнь. Если дело связано с их прошлым, то все паршиво. Разобраться, откуда ноги растут, особенно теперь, будет сложно. Корделия отказалась помогать, тем самым перекрыв доступ к бесценному источнику информации. Кое-какие подвязки остались и у Джеймса, но по сравнению с ее возможностями это ничто. Придется раздобыть ведьме приманку перед тем, как насадить ее на вертел.

Он подтянул к себе лист бумаги и принялся чертить схему: привычка сохранилась у него с тех самых пор, когда приходилось работать над делами в отделе криминалистики. Джеймс не успел дослужиться до суперинтенданта[1], а потом в силу обстоятельств сменил профессию. Тем не менее, кое-что полезное из работы в полиции ухватить успел, и не раз успешно применял.

Отложив исчерченный листок, взялся за второй. Надо составить список действий. Первым делом стоит взять распечатку звонков из телефонной компании. Следом — проверить ее кредитку. Возможно, он найдет что-то интересное. Если это ничего не даст, останется только искать в новостях. Отслеживать странные случаи, сопоставлять данные. И уповать на то, что Корделия сдержит слово. Потому что если он прав, у Хилари большие неприятности и мало времени.

[1] Суперинтендент – звание старшего офицерского со-

става британской полиции, второй по рангу после комиссара городской полиции.

Хилари открыла глаза. Равнодушный писк медицинской аппаратуры, ровный белый потолок, длинная больничная рубашка, в которую она была одета, напомнили ей о днях, проведенных на грани между жизнью и смертью, в частной клинике для *измененных*.

По спине пробежал холодок. Она была уверена, что раньше не встречала человека, напавшего на нее. Или просто не помнит? Вероятность того, что это связано с ее прошлым, велика. Хилари села на постели, срывая с себя провода, и мониторы тут же отозвались тревожным писком. Это было похоже и одновременно не похоже на больницу.

В палатах обычно есть окна, а двери не защищены электронными замками. Обстановка тоже подкачала. Кровать с подлокотником-подставкой, стул, электроника и белые стены, замкнувшие ее внутри. Приоткрытая дверь, которую Хилари не сразу заметила, вела в туалет и душевую. Полностью изолированная комната, больше похожая на камеру. Хилари сделала глубокий вдох и обхватила себя руками.

— Пациент Хилари Стивенс, ответьте.

Женский голос, резкий и неприятный, заставил ее вздрогнуть. Только сейчас Хилари обратила внимание на небольшое переговорное устройство, вмонтированное в стену рядом кроватью.

— Пациент Хилари Стивенс, ответьте.

— Где я?

— Ваши вопросы, не касающиеся состояния здоровья, будут игнорироваться. Вы отсоединили датчики, контролирующие ваше состояние. Повторное действие без предварительных санкций приведет к наказанию. Это понятно?

— Да.

— Хорошо. Сейчас к вам поднимется специалист для проведения первичного инструктажа, введения препаратов и повторного подключения датчиков. Любые агрессивные действия в его адрес расцениваются как попытка неподчинения, за которой следует наказание.

— Я поняла, — ответила Хилари в пустоту — переговорное устройство уже затихло.

Говорившая напоминала ей робота, хотя и была человеком. От этого не становилось менее страшно.

«Я и не через такое проходила, — напомнила она себе. — Я выберусь».

Собственная уверенность помогла немного успокоиться. Это не было похоже ни на что, с чем она сталкивалась раньше, но все когда-нибудь происходит впервые. Нужно сосредоточиться, собраться, выяснить, с чем имеешь дело — и действовать.

С того дня, как Джеймс чуть не погиб на пожаре, она пребывала в состоянии постоянного напряжения. Она переговорила с его начальником, и выяснила, что это далеко не пер-

вый случай, когда муж лез в самое пекло. Она пыталась поговорить и с ним, но наткнулась на очередную стену молчания. Джеймс заслуживал спокойной жизни, но ему это было не нужно. Сейчас Хилари была рада тому, что муж отказался завести ребенка. Окажись она в такой ситуации в положении, вряд ли восприняла бы все настолько хладнокровно.

Хилари считала, что сумеет разглядеть приближающуюся опасность. Жизнь научила ее быть внимательной к мелочам и умению постоять за себя. Недостаточно, по всей видимости. Этот «курьер» не из воздуха материализовался на пороге, чтобы вколоть ей какую-то дрянь и уволочь неизвестно куда. Наверняка за ней следили. Как можно было такое пропустить? Разве что похититель хорошо знал своих «клиентов» и обладал достаточными навыками, чтобы подобраться к ним незаметно.

Хилари сдавила виски, пытаясь унять сильнейшую головную боль, и быстро повернулась в сторону открывшейся двери. В комнату вошел мужчина в медицинском халате, с подносом в руках. Она не могла бы описать его иначе как «безликий». Светлые волосы, невысокий, отстраненное выражение лица. Взгляд бегло скользнул по ней, когда он ставил поднос на выдвижную подставку. Мужчина избегал смотреть ей в глаза.

— Вы расскажете мне, что здесь происходит?

Хилари посмотрела на закрытую дверь, ведущую к свободе, потом перевела взгляд на поднос, где на одной полови-

не стояла дымящаяся супница, лежали нарезанные дольками фрукты и хлеб, на другой — медицинские принадлежности.

Она должна бежать отсюда, и как можно скорее. Вот только ей нужно знать, с чем придется столкнуться.

— Вы всегда такой молчаливый? — Хилари принялась за еду.

— Когда того требуют обстоятельства.

— Где я, зачем я здесь?

— Я не уполномочен отвечать на ваши вопросы.

— А кто уполномочен? — Хилари пристально посмотрела на него. Он вел себя так, будто боялся ее: держался в отдалении, одна рука в кармане — по всей видимости, на «тревожной кнопке».

Вероятно, ему кое-что известно. Достаточно единственного факта биографии, чтобы люди начали шарахаться от нее, как от прокаженной.

— Чего вы так боитесь? — усмехнулась она. — За дверью наверняка охрана.

Мужчина промолчал.

«Что ж, ладно, — подумала она, — тогда зайдем с другой стороны».

— Та женщина, — Хилари кивнула на переговорное устройство, отставила пустую супницу и подтянула к себе тарелку с фруктами, — сказала, что мне введут какие-то препараты. Какие? Для чего эти датчики?

— Иммуномодуляторы. Для того, чтобы мы могли сле-

дить за состоянием вашего организма. Через несколько дней вы сможете обходиться без них. Когда мы убедимся, что вы полностью здоровы.

— Зачем?!

Этот вопрос тоже остался без ответа, но того, что он сказал, было уже достаточно. Хилари представляла интерес только потому, что была *измененной*.

Она поняла, что не сможет съесть больше ни куска — просто-напросто подавится, или ее вывернет прямо на поднос. Хладнокровие и выдержка исчезли, не оставив и следа. Вопросы, которые могли ей помочь в ближайшем будущем, вылетели из головы.

Она, не моргая, смотрела на мужчину, который сделал ей инъекцию. Попросил держать тампон на сгибе локтя и осторожно, как будто обращался с гремучей змеей, уложил на кровать, подключая датчики. Удостоверившись, что все в порядке, кивнул ей.

— Пожалуйста, больше не отсоединяйте их самостоятельно.

— Так про наказания она не шутила? — криво улыбнулась Хилари.

— Нет.

Мужчина забрал остатки обеда и удалился. Последняя деталь, которую она отметила в его образе — серебристо-серый браслет на запястье. У нее был такой же, только желтый. Идентификаторы.

Господи, во что она влипла?!

Спрюс-Грув и окрестности, Канада. Апрель 2013 г.

Весна в этих краях приходила позже календарной. Почувствовав первое потепление, жители стремились скинуть шарфы и куртки. Не было ничего удивительного в том, что клиентов в аптеке появилось значительно больше.

Сэт Торнтон отпер двери, перевернул табличку и начал свой обычный день. Обычный за последние месяцы, потому что до этого его работа шла в совершенно ином ключе. Скандально известная корпорация, «Бенкитт Хелфлайн», окончательно развалилась в декабре две тысячи двенадцатого. Резюме с такой строчкой сейчас скорее являлось клеймом позора, чем особой привилегией, хотя раньше работа в этой компании считалась одной из самых престижных в мире фармацевтов и вирусологов.

Сэт был рад, что ему вообще удалось устроиться. Он уже начинал думать, что ему не светит даже должность уборщика на заправке.

Владелец аптеки был далек от современных технологий: телевизор не смотрел, компьютер видел только на картинках. Магнус Хальстерштейн был стар, жаден до умопомрачения, а временами впадал в маразм. Поэтому когда на горизонте нарисовался человек, согласившийся работать за небольшую

плату, он с радостью принял его. На собственных ошибках в расчетах Магнус терял гораздо больше, чем мог заплатить ему.

Сэта все устраивало: денег хватало, чтобы снимать небольшую квартиру, и на еду. Некогда успешный ученый сейчас довольствовался должностью аптекаря и сравнительно спокойной жизнью. Временами это сводило с ума, но он не собирался ничего менять. По крайней мере, его никто не трогал. Сэт был вежлив и дружелюбен, но не стремился заводить новых знакомств. Каждый день начинался и заканчивался одинаково.

Сегодня Сэт собирался зайти в бар, а после прогуляться перед сном. Он дождался времени закрытия, перевернул табличку и стал собираться домой. Торнтон как раз надевал куртку в подсобке, когда услышал звон дверного колокольчика. Постоянные клиенты Хальстерштейна привыкли, что старик работает до ночи, и частенько приходили после закрытия. Такое случалось, когда кому-то не сиделось дома и хотелось поговорить. Новый аптекарь был неизменно учтив, что нравилось посетителям Магнуса, поэтому покупка таблеток от запора могла растянуться на час, а то и на полтора. За это время ему приходилось выслушивать все о жизни покупателя, включая ночную икоту и пригоревший рис.

Сэт мысленно выругался, и вышел в зал. Его самым страшным ожиданиям не суждено было сбыться. У витрины стояла молодая женщина, которую он видел впервые, и Сэт

вздыхнул с облегчением.

— Мы закрыты, — произнес он дежурную фразу. Приезжие не могли пожаловаться Магнусу, а жестокое убийство времени за прилавком аптеки старого скупердя сказалось на его характере. Сэт угрюмо усмехнулся.

Она подошла и облокотилась о прилавок.

— Уделите мне время? Это вопрос жизни и смерти!

Сэт отвлекся от жалости к себе, от созерцания собственной неудавшейся жизни в виде банок с пилюлями на запылывшихся полках, и посмотрел на посетительницу. Вне всякого сомнения, она была цветным пятном на холсте его серых будней. Высокая и худощавая, яркая даже без макияжа, длинные темные волосы стянуты в хвост. Светлая куртка, темно-зеленое — под цвет глаз — платье с откровенным декольте. Она излучала уверенность всем своим видом, такая женщина способна разнести весь магазин, если не получит желаемого.

— Отдел противозачаточных средств во втором ряду слева, — вежливо улыбнулся он.

Неожиданно она уткнулась ладонями в лицо, а плечи ее затряслись. Сэт успел пожалеть о своем ответе, не хватало еще, чтобы по его вине рыдали незнакомки. Он уже собирался извиниться, когда та подняла голову. В ее глазах искрился смех.

— Всю жизнь учусь быть актрисой, но получается паршиво. Давайте лучше поиграем в вопрос-ответ. Как считаете, о

чьей жизни и смерти я сейчас говорила?

Она ненормальная или под действием наркотиков? В его устоявшейся размеренной жизни не было места проблемам. Случись что, Сэту придется разбираться с полицией, а те могут и открыть Магнусу глаза на его прошлое. Ему снова придется не только менять работу, но и переезжать. Торнтон нахмурился и раздраженно переспросил:

— Чем я могу вам помочь?

— Да ладно вам, профессор. Нельзя быть таким букой.

Сэту показалось, что из него разом выбили весь воздух. Побег длиной в год продолжался до сих пор. Только преследователей он ни разу не замечал. Иногда казалось, что он убегает от самого себя.

Она смотрела ему в глаза, и Торнтон нерешительно попятился назад, хотя страх подсказывал, что надо бежать со всех ног. В подсобке есть черный ход, но где гарантия, что там его не ждут?

— Кто вы такая? — как ни странно, голос прозвучал твердо.

— Беатрис. Бояться надо не меня, а тех, кто заинтересован в ваших талантах.

Сэт подозревал, что его спокойная жизнь в канадской глубинке — это ненадолго. Надеялся, что *они* о нем забудут.

— И вы хотели меня предупредить и предложить свою помощь, — язвительно заметил он. — Или вас тоже интересует исключительно мой талант?

— Какое недоверие, — насмешливо произнесла она, — часто обманывали очаровательные женщины, профессор?

Сэт хотел ответить, что загадочные женщины в его жизни всегда появлялись вместе с проблемами, но Беатрис оттолкнулась от прилавка и направилась к витрине.

— Секс любят все, а вот расхлебывать последствия — не очень. А вы как считаете?

— Я считал, что все закончилось. Когда вы все оставите меня в покое?

Он пришел в ярость, когда вспомнил, как его использовали в своих играх. Сэт решительно прошел к выходу и с силой толкнул дверь.

— Уходите!

— Я вас покидаю, а вот за остальных поручиться не могу. Удачи, профессор!

Беатрис подмигнула и вышла, а Торнтон с силой захлопнул двери. *Они* ведут себя так, будто от рождения наделены правом распоряжаться человеческими судьбами, для *них* это в порядке вещей. Все происходящее сильно напоминало ему события осенью две тысячи одиннадцатого года, когда ночью к нему пришла Мелани и посоветовала как можно скорее бежать от успешной размеренной жизни. Сэт послушался, и благодаря этому выжил. Сложно было назвать жизнью постоянный страх и скитания по городам. Спрюз-Грув стал последним пристанищем, но даже здесь Торнтон не чувствовал себя в безопасности.

Сэт закрыл аптеку и быстро направился домой, старясь не оглядываться по сторонам. Сколько у него времени? Минуты? Часы? Дни? Он знал, какими быстрыми могут быть те, кто охотится на него. Возможно, Беатрис с ним играла. Он больше не блестящий ученый. У него нет ни средств, ни возможности продолжать свою работу, тогда зачем он им?

Маленькая квартира, которую снимал Сэт, ничем не напоминала его просторные апартаменты в Сиэтле или удобную студию в Нью-Йорке. С тех пор как он превратился в беглеца, выбирать не приходилось. Визит Беатрис вскрыл старые раны. Творение Торнтон стало сердцевиной трагедии, унесшей множество жизней. Судебный процесс гремел по всему миру.

Сэт спешно собирал вещи. Самое важное поместилось в небольшую спортивную сумку, все свои сбережения — около двух с половиной тысяч канадских долларов — он положил под разорванную подкладку. Оставалось решить: двигаться в сторону ближайшей автостанции, или ловить попутку. Автобус казался ему более безопасным, автостоп — быстрым.

Вряд ли преследователи рискнут вытаскивать его из автобуса на глазах у всех, поэтому Сэт выбрал первое. Купленный недавно пистолет Торнтон спрятал под куртку и спустился вниз. Он не представлял, что будет делать, если придется стрелять. Оружие скорее было успокоительным, чем средством самозащиты.

Спустившись вниз, Сэт пару раз глубоко вдохнул и выдохнул, перед тем как выйти на улицу. Открыл дверь, и его резко толкнули к джипу. Он не успел ничего предпринять, как за спиной захлопнулась дверца, щелкнула блокировка. Тот, кто втолкнул его внутрь, сел на переднее сиденье, и машина сорвалась с места.

Профессор встретился взглядом с мужчиной, устроившимся рядом, и искренне пожалел о решении вернуться домой. Тот смотрел так, будто собирался прихлопнуть Торнтон, как заразного вредителя. Он хмурился, и полоса шрама над правой бровью становилась заметнее. Длинные черные волосы мужчины, похоже, мыл исключительно по праздникам: спутавшиеся патлы сальными прядями висели вдоль лица.

— Вы хорошо спрятались, профессор Торнтон. Скучали? — сквозь смех просочилась злоба. Теперь он был уверен в том, что его преследователи — те, о ком он подумал сразу. Им есть за что его ненавидеть.

Сэт бросил взгляд в зеркало заднего вида, но дорога за ними была пуста.

— Мне известно о том, кем вы *были*, — Сэт выделил последнее слово, произвольно вжимаясь в дверцу, — боюсь, в настоящем я вам ничем помочь не могу.

— Да вы и в прошлом не особо помогли, — собеседник цедил слова, и Сэт невольно поежился, — но вам придется постараться вернуть тем, кто остался, их жизни в наилучшем

виде. Потому что многие сейчас хотят добраться до вашей шкуры и наделать из нее сумочек и туфель в качестве памятных сувениров.

Мужчина замолчал, и в воцарившейся тишине было нечто зловещее. Чего-то подобного Сэт и боялся, и подсознательно ожидал. Именно поэтому он перечеркнул прежнюю жизнь, цели и мечты. Оказался в этой дыре в надежде выжить. Самый жуткий кошмар Торнтона сбывался наяву.

— За нами хвост, Ронни, — перебил его размышления водитель. Машина набрала скорость, и Торнтона вдавило в сиденье. Ронни коротко кивнул подчиненному, тот достал пистолет и открыл окно.

— Может не стоит этого делать? — тихо попросил Сэт.

Ему было наплевать на преследователей, но попасть в аварию на такой скорости не хотелось. Он все еще рассчитывал выбраться из этой передраги живым.

— Давайте остановимся и поговорим, — он снова обратился к тому, кого называли Ронни. — Я пойду с вами по своей воле.

— Заткнись, — прозвучало в ответ презрительное, с угрозой.

Машина, идущая за ними, после первого выстрела резко ушла в сторону, а потом оказалась рядом, вырываясь вперед. Водитель попытался уйти на встречную, но не справился с управлением. Сэта швырнуло на Ронни. Машина перевернулась несколько раз, совсем близко прогремел выстрел,

раздался отвратительный скрежет металла, звук бьющегося стекла. В тщетной попытке зацепиться за спинку сиденья Сэт схватил воздух, с силой ударился головой и потерял сознание.

Беатрис листала книгу, изредка поглядывая на лежащего на кровати мужчину: темноволосый, худой и невысокий. Смысл слов проходил мимо и зачастую, вернувшись в роман на том или ином абзаце, она не могла вспомнить, что происходило раньше. Вальтер говорил о профессоре, как об амбициозном, помешанном на своей карьере человеке, для которого не существует никого и ничего, кроме работы. С его слов Торнтон узнал обо всем до того, как произошла трагедия, но от исследований не отказался. Профессора и его команду прикрыли те, кому был выгоден геноцид.

Беатрис возненавидела «Бенкитт Хелфлайн» и всех его сотрудников, когда на ее глазах умирали сотни. Виновник того кошмара сейчас спал сном младенца. Торнтон отделался ушибами и почти наверняка сотрясением мозга, но его состояние заботило Беатрис в последнюю очередь. А вот как бы профессор не начал вопить, когда откроет глаза — вполне. Вряд ли крики ему помогут, но она не была уверена, что рассчитает силу удара. Руки так и чесались.

Не зная она его истории, решила бы, что он сбежал от мамочки и потерялся. Обычно таких людей приключения обходят стороной. Для Торнтона судьба решила сделать исключение, и он этим воспользовался. Отправив на тот свет десятки тысяч. Она с трудом подавила в себе нарастающую непри-

язнь.

Беатрис выбрала небольшой отель, подальше от основных трасс, в самой глуши. Номер представлял собой уютную комнатушку с небольшой двуспальной кроватью, тумбочкой, телевизором и старинными часами на стене. Часы негромко тикали, напоминая ей о похожих в гостиной родительского дома. Много времени прошло, пока она признала, что ее дом — весь мир, а не четыре стены, в которых осталось прошлое. Канада напомнила ей Россию — не столько пейзажами и просторами, сколько затянувшейся зимой и неизбывной тоской зябких длинных ночей.

Сэт пошевелился и открыл глаза, и она пересела поближе — чтобы сразу заткнуть его в случае чего. Он смотрел настороженно, как кролик на удава, и Беатрис решила не расслабляться.

— Где я? — в сочетании с тем, как он держался за голову, прозвучало почти мило.

— В отеле.

Ей было интересно, как профессор себя поведет. Она хотела спросить, не мучают ли его кошмары — потому что ее, оказавшуюся в гуще событий, стоявшую на грани жизни и смерти, они терзали до сих пор.

— Почему я в отеле, а не в камере? Ваши дружки дали мне понять, что не отстанут, — поинтересовался он с плохо скрываемым сарказмом.

— Они не мои дружки, — хмыкнула Беатрис, — я не

оставляю друзей в горящей машине. Могу я рассчитывать на ваше благоразумие, профессор?

Наемников она видела впервые. За исключением Ронни Халишера. Один из его подручных идиотов додумался стрелять, пришлось устроить аварию. Она вытащила их из машины, на этом исчерпав лимит человеколюбия. Выяснилось, что Ронни не в курсе ее участия в операции, потому как смотрел на нее большими глазами перед тем, как отключиться. Беатрис даже не успела у него ничего спросить.

— Спасибо, — прозвучало искренне, хотя по-прежнему недоверчиво. Он поднялся, но резво прислонился к стене. — Только вы не сказали, зачем это вам?

— Все бы вам причинно-следственные связи выискивать. Меня устраивает мир таким, какой он сейчас. За двести лет я насмотрелась на то, как льется кровь, и не хочу повторения.

— Всего лишь двести? — усмехнулся он. — Да вы малолетка, Беатрис.

Она передернула плечами, поднялась и подошла к окну, а профессор нетвердым шагом направился к креслу, на котором лежали его куртка и сумка.

— Я ввязался во все это, потому что меня мир не устраивал, — произнес он, копаясь в сумке.

— Не нравился мир — начали бы с себя, — не удержалась Беатрис, — или поехали бы в Африку — детей лечить.

— Вы и половины не знаете! — вскинулся Торнтон. — Легко судить других, да, Беатрис?

Она едва сдержалась, чтобы не отправить профессора в нокаут. Когда Беатрис соглашалась поработать, то предполагала, что будет трудно, но не догадывалась, что настолько. Она повидала бесчисленное множество мужчин с не самыми светлыми идеями и не самым легким характером, но никто из них не вызывал в ней такого раздражения, как Торнтон.

— Ваши хотят заполучить меня, а вы по какой-то причине меня спасаете. Я не верю в благие намерения бывшей изме...

— Я пришлю вам цветы на могилку, профессор, — она повернулась к нему спиной, собирая в рюкзак книжку, телефон и ключи от машины.

Торнтон подозрительно притих. Первый порыв уже миновал, и ей не хотелось свернуть ему шею. Рано или поздно профессору и так оторвут голову — либо по приказу Вальтера, либо кто-нибудь другой доберется. Можно только предположить, что смерть его не будет легкой, как июньский ветерок.

Оставив Торнтона наедине со своими мыслями и небогатым багажом, она спустилась по лестнице вниз, положила ключи от номера на стойку и вышла на улицу. Прислонившись к машине, достала пачку сигарет и закурила. Не так просто избавиться от вредной привычки, особенно когда жизнь подбрасывает сюрприз за сюрпризом.

Раньше сигареты не причиняли организму вреда, но и ослабляться не помогали. Сейчас, пока вокруг вился сладковатый аромат, она немного успокоилась и сосредоточилась.

Снова и снова жадно затягивалась, и выдыхала вишневый дым. Она должна была остаться рядом с ним и вести себя совершенно иначе, но актриса из нее никакая. Чем-чем, а лицемерием Беатрис не могла похвастаться.

Она достала телефон и нажала быстрый набор.

— У нас не задался разговор. Он явно захочет свалить. Нужна помощь.

— Понял.

С человеком, с которым она только что общалась, Беатрис не встречалась. Они разговаривали по телефону или онлайн. Хотела бы она посмотреть на этого загадочного Кроу, которому так доверял Вальтер.

Беатрис села в машину, приоткрыв окно, повернула ключи в замке зажигания. Торнтон подоспел как раз вовремя, она уже заскучала.

— Беатрис! — профессор наклонился к ней и закашлялся, когда она выпустила струйку дыма прямо ему в лицо. — Я понимаю, что наши пути расходятся, но не пешком же мне идти. Подвезите меня до города.

— Двести долларов. И не вопрос.

— Вы издеваетесь?

— А похоже?

— Договорились, Беатрис, — он сделал акцент на ее имя и повторил. — Первый город.

Торнтон обошел машину, скинул вещи назад и сел на пассажирское сиденье. Сейчас она сильно сожалела, что во вре-

мя аварии на трассе от профессора не остались только его наработки. Вряд ли он настолько уникален, ученые Вальтера разберутся во всем без его помощи. Зато ей не пришлось бы ломать комедию.

Хилари приходила в себя после экзекуции. Вспоминать об этом не хотелось. Она сжималась в ожидании новой порции боли, когда мысленно возвращалась к этим моментам. Растянутое на железной поверхности тело, к самым чувствительным точкам подведены электроды, на которые подается все большее напряжение.

Она свернулась клубком, плотнее закутываясь в покрывало. Ее начинало знобить. На Хилари сейчас была свободная длинная рубашка, но она по-прежнему ощущала себя голой и грязной: несмотря на то, что по возвращении приняла душ. Это место больше не ассоциировалось с больницей, скорее с тюрьмой строгого режима, концлагерем или застенками в подразделении Ордена. Ей хотя бы часть тех способностей *измененной* — и она бы все здесь разнесла.

Дверь открылась, и Хилари непроизвольно вздрогнула, но не обернулась даже когда услышала шаги.

— Телесные наказания самые действенные, правда? — говоривший взял стул и сел рядом с кроватью. — Хилари, в ваших же интересах повернуться ко мне.

Подавив животный страх и отчаянное желание выплюнуть ему в лицо оскорбление, Хилари открыла глаза и села на кровати. Во внешности посетителя было нечто глубоко отталкивающее, хотя большинство женщин назвали бы его

красавчиком. Выющиеся темно-каштановые волосы и пронзительные карие глаза, одет как модель из рекламы дорогих часов или элитного мужского парфюма. Казалось, он смотрит сквозь тебя и наслаждается превосходством.

— Сколько вам было лет? — неожиданно спросила она.

— Вы либо очень смелы, либо очень глупы, — ответил он, — немногим больше семисот. Вам стало легче?

— Нет.

— Хорошо. Вы по-прежнему не ответили на мой вопрос, Хилари. Это последний раз, когда я напоминаю. Так как вы считаете?

Он смотрел ей в глаза и будто заставлял переживать все снова и снова, секунду за секундой, минуту за минутой: унижение и боль. Боль, повторения которой она отчаянно страшилась.

— Возможно, — негромко ответила она.

— Возможно — это уловка тех, кто боится сказать «да», Хилари. В основу любого телесного наказания заложен древнейший из инстинктов — подсознательный страх любого живого существа перед болью. Боль — самый откровенный сигнал об опасности, и всеми силами любой, кто способен ее ощущать, стремится избежать этого.

Хилари промолчала. Она не знала, что ответить, и еще ей становилось очень тяжело смотреть ему в глаза.

У нее ведь почти получилось выйти из корпуса. Она многому научилась, будучи измененной. Как только удалось уло-

жить первого охранника, в руках оказался шокер, но то ли кто-то из охраны не вышел на связь в положенное время, то ли одну из камер наблюдения она все же пропустила. На выходе из лифта ее встречала группа с оружием. Тут впору гордиться собой, если бы не жесткая развязка.

— Вы знаете, почему люди называли нас вампирами, Хилари? Знаете, как нас называли раньше?

Она хотела ответить, но голос сорвался, и Хилари только покачала головой.

— Во все времена люди находили нам определение на своем диалекте, на языке эпохи. Лилу, акшары, веталы, стригои. А мы всего лишь иная раса, Хилари. Были и оставались ей, пока некто не решил вложить в нас новый смысл и сделать подвидом популярной нечисти. Все легенды создаются одинаково: достаточно найти того, кто произнесет слово, которое поддержит большинство. И вот уже вампиры становятся монстрами, вурдалаками, упырями, на которых суеверные крестьяне точат осинового колья, вилы и высаживают чеснок грядками. И только в двадцатом веке про вампиров начинают писать сентиментальные романы. Количество поисковых запросов в интернете: «Как стать вампиром?» — превышает все допустимые пределы, — он на мгновение замолчал, с усмешкой глядя на нее. — Но мы-то с вами знаем, что все совсем иначе, Хилари?

— Знаем, — вытолкнула она.

Говоривший откровенно издевался. Не отметить претен-

циозность, звучащую в его словах, было невозможно. Он выставлял это напоказ, пародируя современную популяризацию измененных.

Многие из тех, с кем ей приходилось сталкиваться, особенно из «возрастных», были одурманены своей силой и властью, они упивались ей до того дня, как приходилось платить по счетам. Встречались и другие: они путешествовали, вели насыщенную жизнь и не высывались. Его Хилари понять не могла, и потому он был в разы опаснее. При чем тут история именования их расы? Насколько она знала, они всегда называли себя «измененные».

— Люди всегда боялись того, что выходит за рамки их представлений о реальности. Нас они даже не пытались понять, хотя мы веками жили рядом с ними и не собирались устанавливать свою власть и диктатуру. Просто причисляли к сверхъестественным существам, так и не поверив в наше существование. Парадокс, правда?

— К чему вы клоните?

— Вы были одной из нас. Недолго, но были...

— И сожалею об этом.

— Нет, не сожалеете. Если вы еще раз меня перебьете, снова отправитесь туда, где побывали сегодня утром, — он сделал паузу, после чего продолжил. — Скорее сожалеете о том, что не можете вернуть свои способности.

— Почему вы так решили?

— Почему вы не покончили с собой?

Хилари на мгновение потеряла дар речи, услышав подобное.

— Потому что я хочу жить!

— Хилари, не разочаровывайте меня. Ваше прошлое и инстинкт выживания, конечно, отменять не стоит. Но за те несколько дней, что вы здесь пробыли, вам наверняка стал понятен размах происходящего. Вы предполагали справиться с этим в одиночку и всерьез рассчитывали, что так просто сможете сбежать? Признаюсь, я ждал, когда вы попытаетесь.

Хилари вдруг ощутила себя беспомощной. Бессознательно подтянула к себе край покрывала, заворачиваясь в него.

— Допустим, предполагали. Но у вас было время после попытки к бегству и наказания. Вы решили позволить себе понаблюдать за тем, что произойдет. И не вы одна, — он холодно улыбнулся, — каждый, кто оказывался на вашем месте, проходил через нечто подобное. И только один свел счеты с жизнью.

Он откровенно наслаждался своей властью. Ее беспомощностью, растерянностью, отчаянием. Ему нравилось видеть ее страх.

— Вам представилась возможность оказаться в самом центре эксперимента. Ваша кровь по-своему уникальна. «V»-вирус пробыл в вас не так долго, но достаточно для того, чтобы начать множественную трансформацию. Именно благодаря небольшому «стажу», ваша иммунная система оказалась менее уязвима к воздействию уничтожавшей нас Чумы.

Поэтому вы и вам подобные сидите в первых рядах на этом представлении.

— В первых рядах подопытных крыс, вы хотите сказать.

— Вот видите, Хилари, вы умная женщина. А то лопотали какую-то чушь и изображали школьницу, не выучившую уроки.

— Самые молодые умирали быстрее всего, — неожиданно спокойно произнесла Хилари, — если ваш эксперимент не удастся, «V»-вирус сразу убьет меня.

— Вы опять упустили самое главное, — хмыкнул он, — и не только вы, я полагаю. Умирали молодые, кому перевалило за пятьдесят. Совсем малыши продержались гораздо дольше. Были случаи самостоятельного выздоровления, когда пошел обратный процесс. Именно к этому возрасту — пятьдесят-шестьдесят лет, вирус проводит необратимые изменения в иммунной системе человека. Звучит фантастически, но скажите мне — смогли бы вы дождаться, пока муж раздобудет вам вакцину, если бы это было не так? Или считали, что вам просто повезло?

Он знал о ней все. Может быть, ему известно и то, почему у них с Джеймсом не сложилось? Она с трудом подавила сарказм. Неплохая защитная реакция, но в разговоре с ним до добра не доведет.

— Много нас таких здесь?

— Достаточно.

Он поднялся, отставил стул в сторону.

— Чуть позже принесут еду. Еще несколько дней вы будете под наблюдением, позже вам разрешат прогулки. Если до этого новых глупостей не наделаете, разумеется. Все препараты, которые вводят, стимулируют иммунную систему, поэтому не отказывайтесь. Вашему организму пригодятся все силы в борьбе за жизнь, если что-то пойдет не так.

Хилари кивнула, чувствуя, как все внутри снова сжимается от страха.

«Если что-то пойдет не так».

— Как мне вас называть?

— Сомневаюсь, что мы с вами увидимся, Хилари. Но если такое произойдет, называйте меня Вальтер.

Хилари не доводилось слышать его имя, а это значит, что ее опасения подтвердились. Он действительно умеет находиться в тени и ждать. Он умен и очень опасен. Он перестал быть семисотлетним измененным, но остался лидером. Это уже о многом говорит.

— В качестве утешения скажу вам, что дальше бежать было бы некуда. Мы находимся на острове. Приятного дня, Хилари.

Вальтер кивнул ей, перед тем как выйти, и как только дверь закрылась, Хилари снова легла и закрыла глаза. Нужно собраться, откинуть страхи и сомнения. Нужно придумать, как выбраться отсюда.

Нью-Йорк, США. Апрель 2013 г.

Список номеров, который Джеймс получил из телефонной компании, на первый взгляд был неинтересен. Тем не менее, он решил довериться своему чутью. Зацепившись взглядом за повторный звонок Хилари в компанию по бронированию авиабилетов, он связался с ними. Узнал, что она отказалась от брони. После Джеймс обыскал дом, и как выяснилось, не зря: обнаружил жучки.

Корделия согласилась помочь. По своим каналам она нашла один интересный момент, ниточка от которого протянулась прямиком к миру измененных. Зацепка оказалась под самым носом, в Канаде, где был похищен один из ведущих сотрудников «Бенкитт Хелфлайн» Сэт Торнтон.

После недавнего скандала в мире фармацевтики, связанного с трагической историей препарата, якобы обладающего психотропным действием и послужившего ключом на старте массовой резни по всему миру, возле филиалов компании выстраивались демонстрации с лозунгами «Черти, катитесь в Ад!», «Ваше место рядом с Гитлером!»

Ряд показательных процессов над непосредственными виновниками происшествия и руководителями корпорации, казалось бы, удовлетворил людей, и «Бенкитт Хелфлайн» тихо и незаметно ушла с рынка. Сейчас о ней вспоминали раз-

ве что бывшие сотрудники, которым пришлось резко менять сферу деятельности, и не всегда удавалось найти новую работу, да семьи пострадавших, по-прежнему жаждущие возмездия.

Джеймсу повезло. Об исчезновении ныне скромного аптекаря, Торнтона, пару дней назад заявило его руководство. Когда тот не вышел на работу, Магнус Хальстерштейн не поленился направиться к нему домой. Обнаружил дверь незапертой, а вещи разбросанными по квартире, словно тот собирался в спешке. Хозяин квартиры подтвердил, что Сэт Торнтон внес плату за две недели вперед, был весьма благодушно настроен и никуда не собирался уезжать.

Внимание Джеймса привлекла новость об аварии: джип перевернулся на трассе в коридоре Эдмонтон-Калгари, между городками Ледук и Миллет. Со слов водителя, находившегося сейчас в больнице, он не справился с управлением. Автомобиль взяли напрокат в Эдмонтоне, на имя некоего Ронни Халишера, американца. Имя могло быть и не настоящим, но в базах Ордена хранилась вся информация на зацветившийся молодняк.

Необходимые ему сведения он мог получить в центральных архивах. Ближе всего оказался Нью-Йорк, поэтому сейчас Джеймс сидел в уютной квартире в районе Ист-Виллидж и смотрел в окно, прислушиваясь к легкому стуку клавиатуры и кликам мышки. Ни за что не догадаешься, где может находиться архив с такого рода данными.

— А что сама Кармен? — Линни не повернулась к нему, пролистывая алфавитные списки, сам вопрос был задан из вежливости, чтобы поддержать разговор. — У нее же мгновенный доступ ко всем базам данных.

Имя третьего босса Ордена стало легендой среди сотрудников. Отличавшаяся жестокостью, негибаемой волей и принципами, от которых кровь стыла в жилах, свой авторитет она нарабатывала годами. Истинное лицо Кармен, Корделию Эшли, мало кто знал. Обычно такие люди долго не жили.

— Она считает, что я занимаюсь ерундой. А еще ее время стоит больших денег. Я не могу себе это позволить.

Линни хихикнула.

— Ты правда считаешь, что это может быть связано, ну... с... — Линни понизила голос и выразительно приподняла брови.

— Да.

— Жуть.

До *Чумы* Линни Гейл работала в Нью-Йоркском филиале Ордена главным архивариусом. Это был человек, которого никто, кроме больших боссов, не видел в лицо и к кому стекались все данные по операциям по всему миру.

В Орден ее привел интерес младшей сестренки к романтической вампирской саге. Упертая девчонка-подросток решила во что бы то ни стало встретить своего «Принца Крови». Встретила. С тех пор у Линни не стало младшей сест-

ры, зато появился Орден. Как и большинство сотрудников, ее изначально сломила потеря, но потом она поняла, что не может просто закрыть на все глаза.

Свою историю она рассказала Джеймсу между делом, копаясь в электронных архивах. Во времена «эпохи измененных», продлившейся предположительно со второго тысячелетия до нашей эры до ноября две тысячи одиннадцатого года, Джеймс вряд ли получил бы возможность узнать ее настоящее имя и адрес. При такой работе это могло стоить жизни.

Его история началась несколько лет назад, в Ньюкасле. Джеймс пошел по стопам отца, посвятившего себя борьбе с преступностью на улицах родного города. Расследование странных смертей и привело его в кровавый коридор.

— У нас тут недавно жилой дом взорвался через пару кварталов. Такой кошмар.

— Террористы?

— Газовая труба, но от этого не легче. Выжил один журналист, и то по какому-то волшебству. Он был в гостях, уже спустился вниз, когда все произошло, открыл дверь и собирался выйти. По крайней мере, так это объясняют.

— А он как это объясняет? — поинтересовался Джеймс, чтобы поддержать разговор. Чудесное спасение журналиста его совершенно не тронуло.

— Я же сказала. Это с его слов.

— Понятно.

Джеймс снова посмотрел в окно. Было солнечно, высокое

синее небо создавало заманчивую иллюзию тепла. По прогнозу плюс четырнадцать, а по ощущениям гораздо меньше — спасибо пронизывающему северному ветру.

— Нашла! — воскликнула Линни. — Ронни Халишер. Изменен в тысяча девятьсот восемьдесят шестом году. Уцелел во время облавы в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом, сбежал, в начале девяностых потерялся. Предположительно прибил к кому-то более опытному.

Главное Джеймс уже услышал. Имя. Он подошел, внимательно вглядываясь в лицо на фотографии: черные волосы до плеч, грубоватые черты, рыбы глазки, над бровью тонкая полоска шрама. Джеймс уже видел его на снимке, сопровождающем статью об аварии на первой полосе. Эту ниточку нельзя упускать.

Джеймс перевел взгляд на Линни: собранные в пучок волосы, лицо, не тронутое макияжем, очки в роговой оправе. Она напоминала ему библиотекаряшу.

— Это все. Я могу тебе еще чем-нибудь помочь?

— Буду очень благодарен, если сделаешь для меня копию дела Халишера.

Она просияла.

— Конечно. Кстати, ты так и не сказал, как тебя зовут, — Джеймс уловил робкую попытку кокетства. — Не то чтобы я настаивала, просто сейчас это уже не имеет значения. Как ты вообще устроился после того, как... Ну, сам понимаешь.

— Стив. Я пожарный.

Линни улыбнулась и кивнула, принимая полуправду. Это имя первым пришло Джеймсу в голову, когда она спросила. Настоящее он ей сообщать не собирался, особенно принимая во внимание то, что для всего мира он давно мертв.

— Спасаясь людям жизнь?

— Да, — он направился к двери, — хотя их больше беспокоит имущество. Недавно на пожаре одна дама рыдала и говорила, что оставила в доме смысл своей жизни. Когда мой напарник вынес ее пекинеса, грохнулась в обморок. На самом деле она имела в виду какие-то побрякушки.

— Может чаю, Стив?

— Нет, спасибо.

Перед тем как снять цепочку Джеймс все-таки остановился и спросил:

— А ты где устроилась, Линни?

— В школьной библиотеке.

Альберта, Канада. Апрель 2013 г.

Рэйвен стал первым, кто поймал скандально известного Торнтона на крючок. В лучших традициях неудачной рыбалки появилась более крупная рыба и помогла маленькой удрать. В отличие от отца он не был поклонником рыбной ловли, но сравнение выбрал удачное. Он позволил Беатрис увести Торнтона, потому что планы Вальтера временно совпадали с его.

Русская бестия любила и умела выигрывать, и Рэйвен не стал ее разочаровывать, предупреждая парней о том, что им придется потерять свою посылку. Их с Беатрис жизненные пути пересекались не раз, и каждая встреча с ней превращалась в соревнование. Она всегда смеялась над попытками Рэйвена доказать свое превосходство и втоптывала его в грязь. Когда-то он любил ее так же сильно, как сейчас ненавидел.

Отправляя своих парней забрать профессора и привести к нему, он совершенно не переживал. Торнтон не смог бы оказать достойного сопротивления опытным бойцам, и стал лучшей приманкой. Беатрис изрядно потрепала команду Халишера, включая и его самого, и скрылась в неизвестном направлении. Ронни был не самым умным парнем, но прове-

ренным, преданным и опытным. Такие качества в исполнителях Рэйвен ценил превыше всего, поэтому здорово разозлился.

Беатрис сильно рисковала бесценной головой Торнтона, когда устроила аварию, но у нее всегда были проблемы с тормозами. В цепочке «подумала-сделала» она зачастую предпочитала обратный порядок.

Предстоял еще один спектакль, и Рэйвен был только «за». В его задачу входило устроить парочке беглецов временные трудности, чтобы профессор не расслаблялся. Большие неприятности для Беатрис — что может быть приятнее!

Бестия словно чувствовала, с кем ей предстоит встреча, выбирая машину в прокате. Догнав темно-синюю «Хонду» — она не меньше него любила дорогие автомобили и скорость, Рэйвен не стал подходить вплотную. Очередного кулбита Торнтон мог и не пережить. Машина резко ушла вперед, и Рэйвен тоже набрал скорость. На трассе дорогая спортивная тачка выглядела выдернутой из реальности опасной игрушкой. Особое удовольствие он испытывал от того, что Беатрис не подозревала о его участии в операции. Наверняка сюрприз покажется ей специфическим: в свое время они очень весело проводили время.

Расстояние между ними понемногу сокращалось. Следом шел джип, в котором сидели его ребята, в том числе один из команды Халишера. Ронни и водитель отправились в больницу, а этот отделался царапинами и потребовал, чтобы Рэй-

вен позволил ему продолжить преследование.

Рисковать парнями он больше не собирался. Человеческие ресурсы — самое ценное, что есть в твоём распоряжении. Насколько Рэйвен понял из спутанных объяснений рвавшегося в бой, Ронни сам разрешил стрелять. В случае с Беатрис это все равно что помахать красной тряпкой перед мордой быка или сказать: «Фас!» — натаस्कанным псу.

На очередном отрезке Беатрис выскочила на встречную и сбросила скорость. Можно было предположить, что она выкинет нечто подобное и попытается развернуться. Рэйвен предугадал ее маневр и столкнул их с обочины, ушел на свою полосу и остановился. Беатрис решила не продолжать, и вышла первой. Что она уже наплела Торнтону, Рэйвен не представлял, но профессор выскочил следом и ящеркой скользнул за «Хонду». Какой храбрец!

Он Торнтону не завидовал, потому что тому предстояло связаться с Беатрис в самом интимном смысле этого слова. Чаще всего мужчины выбирались из романа с ней униженными и полностью раздавленными осознанием собственной никчемности, собирая себя по частям и пытаясь понять, как жить дальше. Рэйвену потребовались годы, чтобы избавиться от этого ощущения и взрастить в себе злобу и ярость — взамен чувству, которое почти уничтожило его.

Рэйвен снял пистолет с предохранителя, направляясь к ним. Когда пуля просвистела мимо, непроизвольно шарахнулся в сторону. Пришлось остановиться и вскинуть руку,

чтобы предупредить парней. Не хватало еще устроить здесь перестрелку.

— Я тоже рад тебя видеть, дорогая! — прокричал он, смакуя реакцию Беатрис. — Я скучал по тебе! А ты?

Ответом ему стала очередная скрикошетившая от камня пуля, и это заставило Рэйвена сжать зубы. Игры Беатрис порядком поднадоели. Хотелось задать сумасбродной бестии трепку, которую она еще долго не забудет. Он кивнул парням, и те с явным облегчением сняли пистолеты с предохранителей.

— Неплохая попытка, дорогая. Лучше ее не повторять, поверь мне на слово.

В кои-то веки она вняла голосу разума и подняла руки вверх. Торнтон съехал за капотом, перепуганный и взъерошенный. Рэйвен кивнул парням, чтобы забирали его, и встретился взглядом с Беатрис. Удивление в ее глазах дорогого стоило. Он слишком хорошо помнил, какими они становятся в момент страсти: ярко-зелеными, полными первобытного желания, от которого Рэйвен терял рассудок. Ситуация ему нравилась. Она целиком и полностью в его власти, и вынуждена — именно вынуждена — играть по его правилам.

Рэйвен не спешил отправлять Торнтон в машину. Представление было именно для него.

— Не могу поверить, что тебе стало жалко профессора, — Рэйвен приподнял брови, когда ее подвели к нему со свя-

занными за спиной руками. Он представлял, как Беатрис бесится, и это грело душу получше девушек в бикини.

— Еще мне жаль окружающую среду, бездомных котят и детей, которых бросили их мамы. Будем трепаться дальше, или вы нас отпустите сразу, и все останутся живы?

Как же долго он ждал чего-то подобного! Две жизни, если можно так выразиться. Рэйвен приблизился вплотную, провел пальцами по ее щеке и ничуть не удивился, когда она попыталась его укусить.

— У меня встречное предложение. Мы все вместе поедem в уютный дом и будем трепаться, трепаться, трепаться — до тех пор, пока я не узнаю все, что мне нужно, а за моей посылкой не приедут.

Торнтон недоверчиво смотрел на них. Кажется, он начал проникаться ситуацией. Ему уготована роль игрушки в ее умелых руках, и Рэйвену от души хотелось пожелать профессору удачи. В другой раз он с удовольствием рассказал бы парню, как обстоят дела. Только для того, чтобы посмотреть на ее лицо.

— Катись к черту.

— Я бы убил тебя, но тогда моя жизнь потеряет всякий смысл, — прозвучало, как насмешка, но ответить ей Рэйвен не позволил, резким ударом отправив в бессознательное состояние и подхватывая на руки.

Говорят, что женщин бить плохо, но для некоторых стоит сделать исключение и отвести душу. Так будет спокойнее. За

годы общения с Беатрис он не раз убеждался в ее непредсказуемости. Пусть она и лишена прежних способностей, проблем может создать множество.

В качестве перевалочного пункта он выбрал дом подальше от трассы. В раритетной мебели, затянутой полиэтиленом, наверняка уже завелись постоянные жильцы, тем приятнее было устроить на диване Беатрис и попросить своих парней связать ее. Она очнулась, принялась барахтаться и подняла всю покоившуюся до их появления пыль.

Имя Рэйвен стало ему родным благодаря внешности и стилю. Смуглый, с иссиня-черными волосами и черными глазами, невысокий, он всегда выбирал дорогую одежду темных тонов. Менялась мода, но не цветовая гамма его гардероба и страсть к известным брендам.

Он подошел к ней и помог сесть. Беатрис выразительно чихнула — прямо на него, после чего бросила такой взгляд, от которого он должен был обратиться в пепел. Напротив нее в кресле сидел измученный Торнтон, хотя их веселый допрос еще даже не начинался. Рэйвен вторым креслом побрезговал — не хотелось задыхаться от кашля, а после ритуально сжигать любимые брюки от «Гуччи».

— Мы в прошлом были знакомы, — сообщил он Торнтону, — как видишь, наши дороги разошлись, и она не может

себе этого простить.

— Идиот, — процедила Беатрис.

— Тебе удобно, дорогая? — издевательски поинтересовался он.

— Сядь с размаху на перевернутую табуретку — узнаешь.

Она перевела взгляд на Торнтона, цвет лица которого сейчас напоминал лист бумаги: то ли дорогой писчей, то ли не очень туалетной. При таком освещении оба оттенка играли на равных.

— Не бойтесь, профессор, — язвительность Беатрис только набирала обороты, — вам они голову не оторвут. Если что начинайте вопить: «У меня низкий болевой порог, я могу сойти с ума!»

Рэйвен шагнул вперед и сжал руку на хрупкой шее. Его всегда раздражала эта уверенная снисходительность. Порыв сжать пальцы до хруста позвонков был силен, но он удержался. Медленно отпустил ее и отступил назад, глядя на наливающиеся красным следы на шее. Торнтон, напоминавший оглушенную веником мышь, встал и шагнул к ним.

— Пожалуйста, — немного заикаясь, попросил он. — Не нужно насилия.

Маневр Рэйвена сработал идеально, несмотря на то, что был экспромтом. Он насмешливо посмотрел на профессора.

— Вам что, не повезло стать жертвой чар этой бестии?

— Нет, — покачал головой Торнтон. — Я лишь попросил ее подвезти меня до первого города.

— За двести долларов! — снова напомнила о себе Беатрис. — Кстати, мальчики, если уж мы тут так мило беседуем, может чаю мне нальете?

— Обойдешься, — огрызнулся Рэйвен и повернулся к ней спиной.

Она умудрялась все превращать в цирк, и он склонялся к тому, чтобы применить к ней допрос с пристрастием.

— И оно еще называет себя мужчиной, — фыркнула она. — Не забывайте про болевой порог, профессор!

Торнтон попятился назад, вернулся в кресло и вцепился в подлокотники, как если бы они могли его защитить.

— Я готов рассказать вам все, что мне известно, — сообщил он. — Включая информацию о Беатрис.

Рэйвен велел одному из парней заклеить ей скотчем рот. Чтобы профессор удостоверился в серьезности его намерений, и чтобы Беатрис заткнулась. После чего жестом предложил продолжать.

Торнтон немного колебался, но затем рассказал много интересного. Некоторые факты пересекались с официальным досье, которое Рэйвен изучил вдоль и поперек. Торнтон действительно изобрел нечто такое, что уничтожило десятки тысяч, но даже не попытался это скрыть. Скорее наоборот, нагнетал обстановку. Потом он рассказал о том, что начал работу над антидотом, но не успел. Финансирование проекта прекратилось, и он до сих пор не в курсе, что случилось с его спонсорами.

— Поэтому я остановил свои исследования, — подвел черту Торнтон. — У меня были экспериментальные образцы крови измененных, а сейчас вы не сможете их мне предоставить. Даже если и сможете, без лаборатории и аппаратуры это ничего не изменит.

Предоставить ему лабораторию Рэйвен мог, а вот с образцами крови дело было плохо, учитывая, что в мире не осталось ни одного измененного. Он собирался предложить ему взаимовыгодное сотрудничество в любом случае, но чуть позже. Когда решится вопрос с Вальтером.

О знакомстве с Беатрис Торнтон рассказывал взхлеб. Сочинял так, будто не с пробирками всю жизнь носился, а романы писал. Якобы что они познакомились намного раньше. Торнтон долго не знал о ее происхождении и истинной сути. Он преподавал фармакологию в институте Вашингтона в Сиэтле. Беатрис изображала его студентку и интересовалась медициной. Потом она спасла Торнтона, когда исследовательскую лабораторию сожгли, а все данные уничтожили. Она же помогла ему скрыться и перебраться в Нью-Йорк, где с ним на связь и вышли так называемые спонсоры.

Получалось, что Беатрис просто ангел-хранитель Сэта Торнтона. У нее была склонность помогать сирым и убогим, но с ним она познакомилась пару дней назад.

— Я позвонил ей и попросил о помощи. Дальше вам все известно.

Рэйвен с трудом удержался, чтобы не зевнуть. Оставался

еще один важный вопрос. Один из парней принес ноутбук и съемный диск из сумки ученого.

— Сэкономьте наше время.

Торнтон немного напрягся, но под взглядом Рэйвена сник и ввел пароль. Он мельком просмотрел формулы, в которых не понял ровным счетом ничего. Этим займутся другие, пора сворачивать недоделанный трагифарс. Рэйвен попросил парней проводить Торнтона наверх, после чего повернулся к Беатрис. Погладив ее по щеке, он резко сорвал скотч и улыбнулся, когда она вскрикнула.

— Еще раз вытворишь нечто подобное — я затолкаю тебе в задницу целый рулон.

— Не сомневаюсь, — Рэйвен улыбнулся ей в ответ. — Расскажешь, как ты оказалась на передовой?

— Мне нравятся пейзажи Альберты, — Беатрис явно не была настроена на беседу по душам. — Еще у меня затекли руки, я по-прежнему хочу чаю и дать тебе в морду. Так что?

Выражалась она всегда без ложной скромности. Иногда их словесные перепалки заставляли краснеть даже выдавших виды.

— Тут разве что сухие тараканы найдутся, могу заварить, — сообщил Рэйвен, развязывая ее.

Даже жаль, что у них так мало времени. Можно было бы провести его куда как интересней. Она будто прочитала его мысли и улыбнулась, растирая затекшие руки.

— Располагайся, здесь даже клопов нет. Одна пыль... пыль

веков.

— Так как ты докатилась до жизни такой? — он не удержался от искушения устроиться рядом на диване, положить руку ей на плечо. Рэйвен представил, как сжимает ее волосы в кулаке, запрокидывает голову и целует в губы. Яростно, до крови. Нежностью их отношения отличались разве что поначалу. Потом он понял, что Беатрис это не нужно.

— Лично мне эти разработки действительно ни к чему, — хмыкнула она, подвернула под себя ноги, положила руку ему на грудь, — а тебе?

— Они стоят больших денег, — честно ответил он, — и я не отказался бы все вернуть. Ты хочешь оставаться человеком жалкие тридцать-сорок лет, а потом отправиться на корм червям?

Беатрис пожала плечами.

— Я хотела бы быть человеком. До этого у меня сомнительно получалось. Иногда один год стоит тысячи.

— Давно ты стала романтиком?

— Тебя это заводит?

«Она не меняется», — с восхищением подумал Рэйвен. Все мысли испарились, когда Беатрис обвила рукой его шею, устраиваясь на коленях и откровенно прижимаясь всем телом.

— Ты скучал по мне, Джордан?

У него перехватило дыхание. Настоящее имя в сочетании с интонациями и ощущением ее близости оказывали поис-

тине гипнотическое влияние. Это длилось какие-то мгновения, но ответить он не успел. Беатрис выхватила его пистолет, и молниеносно, как кошка, отпрыгнула от него. Стоило догадаться, что после выпада с его стороны она в долгу не останется.

— Зови своих людей, и покончим с этим.

— А если нет?

Выстрел оказался слишком громким для тишины. Жалобно скрипнула входная дверь, раздался топот ног по лестнице. Не опуская пистолет, она отошла к стене, по-прежнему держа его на прицеле.

— Попроси своих друзей бросить оружие и стройной шеренгой выйти на улицу, — очаровательно улыбнулась она Рэйвену, — или я сделаю в тебе дыру, не предусмотренную физиологией.

— Надо было тебя придушить.

— Ты свой шанс упустил.

Рэйвен сжал зубы, но приказал подчиниться. И слишком поздно заметил, что наемник Халишера отвел руку назад, краем глаза уловил движение, которое упустила Беатрис. Уловил, но сделать ничего не успел: два выстрела слились в один. К счастью, тот промазал, а Беатрис нет.

Парень сполз на пол и затих, а Рэйвен выругался. Не хватало еще срыва операции из-за своеволия подчиненных.

— Планы меняются. На колени и спиной ко мне, — процедила Беатрис, — повторять не буду. Живо!

Рэйвен повернулся спиной и первым опустился на колени у стены.

— Выполняйте! — приказал он. — Если не хотите получить пулю от меня.

Парни подчинились. Рэйвен успел заметить кровь, пропитывающую рукав ее блузки. Оставалось надеяться, что рана не серьезна, но с этим Беатрис придется разбираться самой. На мысли о том, что пробуждение будет не из приятных, сильный удар в затылок отключил сознание.

Альберта, Канада. Апрель 2013 г.

Последний раз Сэт лазил по деревьям лет в восемь, но когда его конвоиры скрылись за дверью, он распахнул окно и ухватился за толстую ветвь, протянувшуюся к стене. Проклиная всех, кто не дает ему спокойно жить, он вцепился в нее руками, съехал с подоконника и повис над землей.

Сэт осторожно перекинул одну руку и снова вцепился в ветку, потом другую — и замер. Ладони саднило, вдобавок он начал замерзать: второпях выбираясь, Сэт забыл застегнуть куртку. Он чуть не сорвался, когда услышал выстрелы. Поблизости не наблюдалось толстых веток, на которые можно было опереться, оставалось только надеяться, что эта выдержит его вес, и карабкаться к стволу.

— Робин Гуд как он есть, — в оконном проеме появилась Беатрис, — теперь вам только вниз, профессор. Постарайтесь не свернуть свою бесценную шею. Я уезжаю, так что в ваших интересах спуститься к тому моменту, как я поверну ключ в замке зажигания.

— Беатрис! — крикнул он в отчаянии, но та уже исчезла. Мысленно выругавшись и рискуя сорваться, Сэт шустро добрался до ствола и сполз вниз.

— Вот видите. Можете же, если захотите.

Беатрис сидела на крыльце дома. Первым порывом, было высказать ей все, что он думает, но Торнтон сдержался. Его волновало только одно.

— Наш договор в силе?

Она наверняка разобралась со своим знакомым и его друзьями, иначе не выглядела бы такой спокойной.

— В силе, — ответила она, поднимаясь, — только вести придется вам. У меня вроде как шок и стресс.

Сэт не стал говорить, что потрясен гораздо больше нее. Погони и перестрелки не вязались с его образом жизни. Он подошел к ближайшему внедорожнику и приоткрыл дверь со стороны пассажира. Когда Беатрис устроилась внутри, Торнтон сделал то, что подсмотрел в каком-то боевике — проколол колеса второй машины. Ему только показалось, или она посмотрела на него с подобием уважения?

— Это на случай погони, — неловко объяснил он. — Надеюсь, они живы?

— Все, кроме одного.

Он покачал головой и завел машину. Выехать оказалось достаточно сложно: дорога была просто ужасная. Когда они выбрались на трассу, Сэт бросил взгляд на свою попутчицу и притормозил на обочине. Беатрис потеряла сознание, даже при скудном освещении она была бледной. Под курткой ее рука оказалась наспех перевязана тряпкой, уже успевшей пропитаться кровью. Сэт действовал быстро: нашел аптечку, вколол антибиотики, обработал и перевязал рану. Беатрис

наверняка потеряла много крови. Мысли о том, что он будет делать, если у нее случится эмболия, Сэт отбросил сразу. Равно как и идею сунуться в больницу. Ему хотелось верить, что то, что произошло сегодня — самое серьезное испытание в его жизни.

Он нашел недорогой отель подальше от главной дороги, снял номер и дежурил у постели Беатрис до утра. У нее поднялась температура, и она постоянно что-то шептала в бреду на незнакомом языке. Произнесенное несколько раз имя заставило насторожиться и подарило слабую надежду.

Сильвен. Где он, там и *Она*. Сэт был уверен.

Он познакомился с Мелани Вэйр, когда преподавал в институте Вашингтона. Студентка умудрилась заснуть на его лекции, сидя в первом ряду. Торнтон помнил, как это его разозлило, но Мелани отвечала на все вопросы по предмету так, как если бы сама была преподавательницей. Молоденькую девушку с заурядной внешностью выдавали глаза. За ними скрывалось нечто гораздо большее, чем могло уместиться в жизни девятнадцатилетней студентки.

Мелани интересовала его разработка. Вакцина, над которой работал Сэт, оказалась оружием. Он узнал об этом слишком поздно и не смог предотвратить катастрофу. В Нью-Йорке Сэту помогал друг Мелани, Сильвен. Он предоставил частную лабораторию и неограниченные возможности. Больше они не встречались, но Сильвен регулярно переводил средства и прикрывал, используя свои связи. Потом он

исчез, и Сэту снова пришлось прятаться. Конечно, в случае Беатрис это мог быть другой Сильвен, но Торнтон не верил в совпадения. Неужели она работает на них?

Бессонная ночь и напряженный день сделали свое черное дело. Сэт заснул в кресле, а проснулся от того, что кто-то бесцеремонно тряс его за плечо.

Поморщившись от боли в затекших мышцах, Сэт вскочил.

— С добрым утром, спящий красавец!

— С добрым, — проворчал Сэт. — Как плечо?

— Жить буду, спасибо, — фыркнула Беатрис.

Он резко поднялся, схватил сумку и направился в душ. Прохладная вода помогла успокоиться. Сэт не мог припомнить никого, кто так мастерски выводил бы его из себя. Терпеть ее издевки он не собирался. Беатрис спасла его, он помог ей: они квиты. Сегодня их пути разойдутся.

Сменив футболку, Сэт вернулся в комнату и обнаружил ее в той же позе, с закрытыми глазами. Торнтон сбросил полотенце, которым вытирал волосы, и присел на край постели.

— Необходимо сменить повязку.

— Меняйте, — разрешила Беатрис, но вопреки ожиданиям, в ее голосе он не услышал насмешки, скорее усталость.

Сэт нахмурился, но принялся за перевязку. Рана выглядела вполне сносно.

— Кто для тебя Сильвен?

Беатрис напряглась, и он не сразу понял, что из-за имени. Сэт встретился с ней взглядом — не сделал ли больно

неосторожным движением.

— Тот, кто мне очень дорог, — помедлив, ответила она. Ему показалось, или она сомневалась в своих словах?

— Он попросил тебя предупредить меня об опасности? — Сэт пристально наблюдал за ней.

— Не предупредить, а помочь, — улыбнулась Беатрис. — И выждать время. Так что теперь я ваш телохранитель, профессор. Пока что раненый телохранитель.

— Почему ты не сказала об этом сразу? — подозрительно поинтересовался Сэт, заканчивая перевязку.

Беатрис пожала плечами.

— На случай если нас поймают. Не хотела, чтобы его имя стало известно всем. Вы оказались разговорчивы.

Торнтон покраснел, но не мог с этим не согласиться. Не хватало еще, чтобы он случайно подставил *Ее*. Сэт хотел спросить о Мелани, но слова Беатрис заставили его прикусить язык.

— Вы очень складную историю сочинили про наше знакомство. Не подозревала в вас такие таланты.

«Может быть, потому что я не сочинял», — мысленно усмехнулся Сэт.

— Спасибо. На самом деле мы ничего не знаем друг о друге.

— Мне достаточно того, что я знаю.

Сэта тоже не интересовала ее жизнь. Кем бы Беатрис ни приходилась Сильвену, она ничего не могла рассказать о Ме-

лани.

— Что будем делать дальше? — уточнил он, вставая с постели.

— Для начала уберемся из Канады. У меня есть одно убежище. Побудем там.

Выбирать не приходилось. «Телохранитель» сейчас не способна и себя защитить, не говоря уже о нем. Большую роль в его решении сыграло знакомство Беатрис с Сильвеном, но Сэт уже подозревал, что не раз об этом пожалеет.

Лигурия, Италия. Апрель 2013 г.

У Кроу оказалось странное чувство юмора, он в самом деле прислал ей «на помощь» Рэйвена. История их знакомства была достаточно долгой, и сейчас Беатрис ломала голову, за какими чертами понадобился именно он.

Царапина, из-за которой она свалилась в обморок, раздражала. Представление для профессора получилось гораздо ярче, но Беатрис чувствовала себя не в своей тарелке. Она терпеть не могла, когда ситуация выходит из-под контроля. Стало легче ближе к вечеру, когда Беатрис отоспалась, выпила кофе и посидела на балконе, глядя на море.

Их убежищем в Риомаджоре стала небольшая одноэтажная вилла, утопавшая в зелени. Аромат цветов, смешивающийся с соленым морским воздухом, пригревающее солнце — это было больше похоже на весну, чем то, что творилось в Канаде. Беатрис наслаждалась временной передышкой, зато профессор ходил как мешком по голове стукнутый, и всеми правдами и неправдами избегал ее общества. Что и неудивительно: каждая их встреча сводилась к словесной дуэли.

Она умудрилась в бреду упомянуть забытое имя, а профессор откуда-то знал о Сильвене и доверял ему. Их последний разговор в Канаде сошелся именно на нем, и она мог-

ла поклясться, что именно это заставило Торнтона притормозить и остаться рядом с ней. О том, что для нее Сильвен остался в прошлом, ему знать было вовсе необязательно. Главное, что засранец всплыл в нужное время и помог, сам того не желая.

Беатрис не считала себя суеверной, но на мгновение ей захотелось наплевать на договоренность с Вальтером и сбежать. Всякий раз, когда в ее жизни появлялся Сильвен, происходила задница. Останавливало только то, что она уже ввязалась в это по самые уши, и теперь придется идти до конца.

Прошло дня три, прежде чем профессор решился покинуть свою берлогу и чуть ли не по стенке передвигался в сторону кухни, стремясь слиться с интерьером. Беатрис читала любовный роман — это помогало расслабиться и отключить мозг, и даже не подняла головы.

— Я уже начала думать, что вас опять похитили.

— Не заметил, чтобы вы сильно соскучились по моему обществу.

— А должна была? — Беатрис захлопнула книгу и посмотрела на него. Кролик-ученый в первозданном виде. Глаза красные от недосыпа, волосы торчат в разные стороны. Одно слово — гений.

— Я просматривал результаты своей работы, — объяснил он, пропустив мимо ушей ее вопрос, — хотел оценить свежим взглядом. Я могу прогуляться?

— Не смею вас задерживать.

Недавно она звонила Кроу.

«Рэйвен переслал материалы, — сказал он. — Возможно Торнтон нам даже не понадобится, но задачу пока не снимаю».

А так хотелось бы.

— Я считал, что работа ученых для вас сродни колдовству, — неожиданно тепло улыбнулся Сэт. — Не хотите составить мне компанию?

«Я слишком много времени провела, глядя на то, как в близкого человека втыкали трубки, капельницы, и проводили кучу бесполезных болезненных процедур. От колдовства хотя бы польза есть», — подумала она, но решила не поднимать эту тему даже в собственном сознании.

Беатрис улыбнулась в ответ, откладывая книгу. Расслабиться не получилось, теперь уже не стоит и пытаться.

— Не могу вам отказать.

Беатрис задумчиво смотрела вперед: дорога резко уходила вверх и направо. Надежно укрытая в горах итальянская деревушка, море — сплошная романтика. Кавалер подкачал, но выбирать не приходилось.

Она уже и сама не знала, зачем согласилась на прогулку. Настроение стремительно ухудшалось, рука снова начинала ныть — она забыла выпить обезболивающее. Беатрис зли-

лась на себя из-за того, что поддалась невеселым мыслям, злилась на Торнтон за то, что он шел рядом и молчал.

Ей хотелось сделать ему больно, вытряхнуть из состояния отрешенности. Беатрис доводилось встречать отмороженных, но в случае с профессором это было нечто иное. Он будто замкнулся внутри скорлупы, которую даже дрель не брала. Вспомнилось, как «на допросе» у Рэйвена Сэт рассказывал историю «их» знакомства. Тогда Торнтон показался ей по-настоящему живым, тогда в его глазах горел огонь.

— Расскажите про женщину, которую вы представили за меня.

Она попала в точку: профессор растерялся.

— Она самая удивительная женщина, которую мне довелось встретить. Но у меня не было шансов.

— Это она вам сказала?

— Это было очевидно.

— Очевидно, что сейчас мы в Италии, и я иду рядом с вами. Так почему вы решили, что у вас нет шансов?

— Взгляд ее друга был слишком красноречив, — рассмеялся Торнтон.

— Испугались? — Беатрис приподняла брови.

— Можно и так сказать. А потом она просто исчезла из моей жизни.

— «Она исчезла из моей жизни!» — передразнила Беатрис. — От вас что, совсем ничего не зависело?

— Она была одной из вас! — профессор цедил слова и,

судя по сведенным бровям, все-таки разозлился. Этого Беатрис и добивалась, и сейчас отстраненно подумала: забрасывай ее кто-нибудь вопросами про Сильвена, как бы она себя повела?

— Вы приходили, когда хотели и исчезали в неизвестном направлении. Думаете, я не искал ее? Не думал о ней? Осталось разве что объявление в газету дать! Так я даже не знаю, как ее зовут на самом деле! — он резко развернулся и направился к дому.

Беатрис не пошла за ним. Ускорила шаг, поднималась наверх — до тех пор, пока не закружилась голова. Тогда она осторожно опустилась прямо на землю. Начинался дождь, но Беатрис не спешила возвращаться: ей просто необходимо было выпустить пар.

В баре одного из мини-отелей она познакомилась с зеленоглазым австралийцем и пригласила его на виллу. Высокий, к тому же блондин — самое то, чтобы хорошо провести время. Ее комнату от спальни Торнтона отделяла весьма условная тонкая стена, но на чувства профессора Беатрис было наплевать.

Остров в Тихом океане. Май 2013 г.

Прошло около недели, прежде чем Хилари разрешили выйти. Мир за пределами холодной пустой палаты был полон жизни: красок природы, пения птиц и жаркого воздуха. Первое время она могла просто сидеть, глядя на небо: на то, как плывут облака, как собираются тяжелые тучи перед тропическим ливнем, или бродить по дорожкам парка.

Как только эйфория свободы миновала, Хилари начала обращать внимание на камеры, на группы охраны, на часы, когда открываются ворота, ведущие к их корпусу. Насколько она поняла, выход с Острова был только у Вальтера и его приближенных, которым он доверял, как самому себе. Даже припасы привозил один и тот же мужчина, пару раз она видела садившийся где-то в отдалении вертолет.

Территория исследовательского центра Вальтера была достаточно большой и состояла из трех корпусов. Медицинский, где содержали ей подобных, был разделен на два крыла. Одно представляло собой сплошной монолит без окон, между этажами которого передвигались только по разрешению. Что творилось во втором, Хилари не знала, но выглядело оно привлекательнее. Его окна выходили на океан, а наверху возвышалась крытая смотровая площадка, напомина-

ющая прозрачный купол. Должно быть, вид оттуда потрясающий.

Второй корпус — административный, штаб-квартира Вальтера и, по всей видимости, номера для персонала. Он больше напоминал отель на тропическом курорте, чем больницу. Был еще одноэтажный хозяйственный корпус, но ее он интересовал меньше всего. Хилари гадала, где же расположены лаборатории. Где они проводят свои разработки?

Пусть Вальтер и говорил, что с острова невозможно выбраться, Хилари знала: выход есть всегда. Однажды она слышала шум реактивных двигателей. Значит здесь есть взлетно-посадочная полоса, и сюда прилетает самолет. Как бы ей сейчасгодились реакция и силы *измененной*, от которых она так хотела избавиться раньше! Это место нужно уничтожить. Нельзя позволить им продолжать.

Впервые Хилари заметила мальчика через несколько дней своей «свободы». Подобно ей, он предпочитал одиночество: всегда выбирал место под одним и тем же деревом в парке, и проводил там отведенные на прогулку часы. Сидел в тени, молчаливый и неподвижный.

Хилари сама не знала, что заставило ее подойти и начать разговор.

— Привет, — просто сказала она.

— Привет.

Вблизи он выглядел еще более худым и болезненным, чем издалека. На голове совсем не осталось волос, даже брови вылезли, и Хилари прекрасно знала, что это. Химиотерапия.

— Хилари.

— Люк.

— Можно я посижу тут с тобой?

Он кивнул, подвинувшись, и Хилари устроилась рядом с ним. В тени даже в полдень было хорошо. Она уже привыкла к высокой влажности и не чувствовала каждый вдох, как в самом начале.

— Вы странная.

— Почему?

— Тут все сбиваются в группы, а вы одна. Все хотят выжить, но никто ничего не делает, а вы ищете возможности. Все шарахаются от меня, а вы подошли.

Хилари показалось, что с ней говорит маленький взрослый. Как он здесь оказался? Ведь он совсем ребенок, не больше десяти лет! Неужели доброволец? Или родители решили, что это единственный выход?

— Это было твое решение? — осторожно спросила она.

— Ты наблюдал за мной?

— Наше с Беатрис. И да, и нет. Я не единственный, кого вы здесь заинтересовали.

— О ком ты?

Под взглядом светло-голубых, почти прозрачных глаз,

Хилари стусшевaлась. Поняла, что он не ответит. Не может быть, чтобы мальчик был дорог Вальтеру. Такие существa не приемлют привязанностей. Тогда о ком он говорил?

— Беатрис твоя мама?

— Приемная. Моя мамаша продавала меня извращенцам с четырех лет.

Хилари передернуло.

— Беатрис тоже здесь? — спросила она, стараясь сгладить ощущение от его последнего откровения, но Люка, казалось, это совсем не задело.

— Нет, — в его глазах мелькнула грусть.

Он умел сдерживать чувства: когда находишься на грани жизни и смерти, иначе не получается. Хилари хорошо запомнила эти ощущения. Стоит отпустить себя, и ты падаешь в цепкие объятия страха, выбраться из которых не так-то просто.

— Прости.

— Все нормально. Она сейчас на задании, чтобы помочь мне. Я должен ее дождаться. Мы договорились не умирать до нашей следующей встречи.

Хилари не успела даже открыть рта, как он продолжил.

— Беатрис очень любит рисковать. А тот, на кого она сейчас работает, шутить не любит.

— Вальтер, — подсказала Хилари.

— Он назвался? — глаза Люка округлились. — Вальтер обещал, что если она все сделает правильно, я буду одним

из первых.

— Она доверяет ему?

— Нет, — хмыкнул мальчик. — И меня это здорово на-
прягает.

Хилари опустила взгляд, и больше не могла заставить себя
посмотреть на Люка, как если бы сама была виновата в том,
что с ним случилось, и в том, что происходит сейчас.

— Она была одной из *вас*, — внезапно произнес он, —
если бы она меня не нашла, я бы уже давно сдох в подворот-
не. Я безумно хочу увидеть ее. Хочу, чтобы она снова улы-
балась.

Несмотря на влажную тропическую жару, Хилари ощути-
ла прошедшую по коже волну холода. Она не знала, что от-
ветить на такое откровение.

— В Беатрис я не сомневаюсь, — заявил Люк, — надеюсь
только, что с ее помощью эти придурки все-таки закончат
свои исследования. Времени у меня мало.

Лигурия, Италия. Май 2013 г.

После памятной прогулки Сэт больше не пытался заговаривать с Беатрис. Время тянулось бесконечно, но он упорно сторонился и избегал ее. С каждым днем все больше. Ночами он не высыпался. Беатрис приводила к себе любовника, и приходилось накрывать голову подушкой, чтобы не слышать откровенных стонов и криков, а по утрам стоять под прохладным душем, дабы унять воображение. Помогало мало.

Разговор с ней заставил его задуматься. До скандала его карьера шла в гору семимильными шагами. Успех, выгодные предложения — все достигалось путем упорного труда. Его находили, предлагали должности, его статьи печатали в известных журналах, но что касается личной жизни, пробелов было предостаточно.

Женщины находили его привлекательным и загадочным, но самого Сэта куда больше интересовала наука и исследования, чем отношения. Рядом с ним оставалась та, что была смелее и напористей остальных. Но оказавшись на пьедестале в качестве подруги Сэта, понимала, что приз того не стоит. Работа Торнтона была его единственной страстью.

Дольше всех продержалась Прю. Их отношения продлились три года, но Сэт воспринимал ее чувства как данность.

Как если бы она была наградой за достижения, которая стоит на полке. Ты ей любишь, снимаешь, сдуваешь пыль, гладишь и ставишь обратно. Даже любовь не выдержала такого отношения: Прю ушла.

Хотела ли она, чтобы Сэт вернул ее, Торнтон так и не узнал. Потому что не пошел за ней. Тогда ему было не до женщин: жизнь сделала крутой виток, и Сэта назначили руководителем проекта в «Бенкитт Хелфлайн». Проект, над которым работала его команда, оказался точкой невозврата. О его истинной сути Торнтон узнал гораздо позже. От Мелани.

Беатрис так и не рассказала о планах Сильвена на его счет. Помимо прочего, разбудила в нем воспоминания о Мелани, и теперь Торнтону хотелось вновь ее увидеть. Жива ли она сейчас? Когда они в последний раз виделись, она его поцеловала, и Торнтону еще долго снился тот поцелуй: пьянящий, отнимающий волю и разум. В Мелани чувствовалась первобытная властная сила, которой хотелось подчиняться. Сейчас воспоминания почти стерлись, хотя казалось, что они будут преследовать его вечно. Воспоминания о ней — все, что у него осталось.

Беатрис была отчаянно похожа на нее. Внутренней силой, напором, которому невозможно противиться. С Беатрис было сложно, но в этом заключалась своя особая прелесть.

— Сколько мы тут еще пробудем? Неделю? Месяц? Год? Чего мы вообще ждем?

Вечером они столкнулись на кухне, и Сэт решил спросить о том, что не давало ему покоя.

— Надеюсь, недолго. Дальнейших инструкций, — ответила она, отправляя в холодильник пакет с молоком. Поставила на поднос стакан, наполненный до краев, полную тарелку печенья с мармеладом и банку оливок. Выглядела она неважно, по ощущениям — снова не в лучшем расположении духа. В случае Беатрис нащупать тонкую грань настроения было очень сложно.

— От кого?

Проснулась прежняя подозрительность. Сейчас ему казалось, что они слишком легко сбежали.

— От того, кто послал меня пасти вас, профессор.

— Почему именно вы?

— Он попросил помочь, я не смогла отказать, — она обхватила себя руками, как если бы замерзла, нахмурилась, — это допрос, профессор? Я могу написать вам отчет, хотя вы ему все равно не поверите. Знаете, если слишком долго искать подвох, рано или поздно он обязательно найдется.

Беатрис отправила в рот сразу два печенья, тем самым показывая, что разговор окончен.

— Не допрос. Просто за последние два года я научился опасаться и собственной тени. Вам не понять.

— Да без разницы! — резко произнесла она и Сэт вздрогнул. — Вы такой прекрасный психолог. Может, поделитесь своим чудесным даром?

Она схватила поднос и поспешно вышла: Торнтон не успел даже ничего возразить. Ее удалось задеть, но он не испытывал от этого ни малейшего удовольствия. Сэт сжал кулаки, мысленно досчитал до десяти, а затем постучал и заглянул в комнату Беатрис.

— Прости, пожалуйста, — искренне попросил он. — Я лучше разбираюсь в формулах, чем в людях.

Беатрис ничего не ответила. Она яростно жевала печенье, заедала его оливками и запивала молоком.

— За всю жизнь я создал только этот чертов вирус, за что до сих пор расплачиваюсь. Но если я могу хоть что-то исправить, спасти хоть одну жизнь...

— Вообще-то ты тут не при чем. Я просто на нервах.

Сэт утратил дар речи, а Беатрис тем временем отставила тарелку, подвинулась на кровати и ткнула пальцем рядом с собой.

— Располагайся, — пригласила она. — Обещаю не приставать.

Сэт через силу улыбнулся, но все-таки прошел в комнату и опустился на кровать.

— Кто сказал, что я против? — неудачно пошутил он. У них только-только намечалось перемирие, и он поклялся себе быть сдержанней и обдумывать слова, прежде чем гово-

ритель.

— Раз уж у нас сегодня день откровений, — она изящно пропустила его комментарий мимо ушей: не заметила или сделала вид. — Есть один мальчик, который мне очень дорог. Его жизнь сейчас висит на волоске. Спасти его может только твоя разработка.

Беатрис пожала плечами и добавила.

— Я не работаю на Сильвена. Я не видела его уже более ста лет.

Сэт и рад был разозлиться на обман, но не получилось. Ее откровенность значила для него куда больше, чем он представлял. Раздражение ушло, уступая место чему-то новому.

— Если бы у меня была лаборатория, я бы сделал все, что в моих силах, — он осторожно прикоснулся к ее руке. — Все, чтобы спасти его.

— У меня нет лаборатории, — ответила она, — но она есть у того, на кого я работаю. С ним опасно играть в игры, но я готова рискнуть.

— У него другие планы насчет вируса?

— Обладая таким оружием, можно прогнуть под себя весь мир, — она внимательно взглянула на него.

Сэт уже знал свой ответ. Он боялся, что его изобретение снова причинит больше вреда, чем пользы, но если он спасет хотя бы одну жизнь в противовес тысячам смертей... возможно, тогда ему станет чуточку легче.

— Что я должен делать?

— Влюбиться в меня, — фыркнула Беатрис, и тут же добавила. — Шучу, профессор.

— Мы оба не старались понравиться друг другу, — Сэт улыбнулся, пытаясь скрыть неловкость. — Но ты первая женщина, которую из-за меня подстрелили.

— Не из-за тебя. Я допустила ошибку.

— Не считаю спасение собственной жизни ошибкой, — он рассмеялся, но вспомнил ее слова о больном ребенке, и его улыбка померкла. — Мы должны поехать к... Как его зовут?

— Люк. Команда Вальтера бьется над данными, которые Рэйвен скачал с твоего ноутбука.

Сэт покачал головой, поднялся и прошелся по комнате.

— Формулам требуются доработки. Вряд ли они что-нибудь сделают, не имея на руках образцов. Беатрис, я подозреваю, что в вашей крови сидел не совсем вирус. А если быть точным, совсем не вирус.

На мгновение в ее глазах мелькнул настоящий, живой интерес, но она опустила взгляд и не стала расспрашивать. Зато рассказала, что ей нужно было украсть разработки Сэта. То, что понадобился он сам, она узнала, когда их схватили в Канаде. На такое Беатрис не подписывалась, поэтому решила все сделать по-своему. Она спасла его.

— Я твой должник, — искренне произнес Сэт. — Как тебя зовут на самом деле?

— Мария.

— Откуда ты?

— Из России, — она улыбнулась. — Я родилась в Санкт-Петербурге. Там и жила до двадцати двух лет. Успела познакомиться с Екатериной Второй. Суровая тетка.

— До двадцати двух? Потом тебя обратили?

— Что за книжное слово — «обратили»? — усмехнулась она. — Ты же ученый.

— Глупость не лечится, — смущенно признался он. — Тебе нравилось в России?

— Я скучаю по ней.

— Мы могли бы поехать туда.

Он скрывался в небольших городах: в Штатах и Канаде. До этого нигде и не был, не считая нескольких конференций в Европе, где все достопримечательности созерцал из окна автомобиля по пути от аэропорта до отеля. Постоянная работа над проектами почти полностью лишила Сэта отпусков. Последним путешествием стала неделя в Мексике шесть лет назад. Он хотел побывать в России, но еще больше хотел сделать Беатрис приятное, и, судя по ее изумленному взгляду, ему это удалось.

Санкт-Петербург, Россия. Май 2013 г.

В России Беатрис бывала редко. Сидя в такси, она со смешанными чувствами разглядывала улицы, которые помнила другими. Глядя на современный мегаполис, Беатрис вспоминала, каким он был в восемнадцатом веке. Перед ее глазами словно оживали события и люди, мелькали экипажи, слышался гулкий бой часов в родительской гостиной. В открытое настежь окно весной и летом врывался одуряющий аромат цветов из родительского сада. В этом саду и началась ее история.

Санкт-Петербург, Россия. Конец XVIII в.

— Мария, маменька просила, чтобы ты была готова к четырем пополудни. Его благородие граф ждать не изволят, — Катя просунула голову в дверь их спальни. Сестра не хуже остальных знала, что она предпочитает свое второе имя, на крайний случай — Мари-Беатрис.

Беатрис сделала вид, что Катя прозрачна, и до слуха ее долетает только мелодия, льющаяся из гостиной. Было бы чем прикрыть уши! Матушка всегда играла на рояле, когда волновалась. От этого кошмарного музицирования начина-

ли волноваться окружающие, но сама она становилась спокойнее. Когда по суровому родительскому настоянию за рояль садилась Беатрис, она начинала с силой бить по клавишам наугад, глядя в ноты. Ее игра сопровождалась парой неизменных событий. Головной болью учителя и матушкиным: «Антоша, мне дурно! У нашей Мари никакого таланта!»

Совсем скоро Беатрис должно было исполниться шестнадцать. Родители дали свое согласие на ее брак со стареньким графом. Помимо лысины и большого состояния, будущий супруг обладал весомым титулом, был вхож в известные дома Петербурга и лично знаком с Императрицей. Беатрис не понимала, что ей делать в одной комнате со стариком, не говоря уж о постели, и его знакомство с Императрицей на это никак не влияло. Увы, родители были счастливы такой выгодной партией, и не хотели слушать возражений.

Тогда Беатрис решила сбежать. В помощники она выбрала себе гувернера младшего брата, француза, который сходил по ней с ума. Жан был худошав, прыщав, при виде матушки и отца начинал мямлить и запинаться, и желание мог вызвать разве что у жабы — исключительно из-за высокого душевного созвучия. Тем не менее он был единственным ключом к ее избавлению от «прелестного» будущего.

Беатрис щедро раздавала Жану мимолетные взгляды и поцелуи, от которых после его ухода отплевывалась и вытирала губы. Французу этого было более чем достаточно. Он ходил

за ней хвостом и считал дни до побега. Зная нрав дочери, родители следили за ней очень пристально, поэтому приходилось вести себя достойно и послушно, дабы ни матушка, ни отец ничего не заподозрили.

На празднестве в честь их с графом помолвки народу было много. Родители отвлеклись, а самого графа заставить танцевать могло только волшебство, и Беатрис сбежала на балкон. Свежий ночной воздух показался бесценным даром.

Она удобно устроилась прямо на полу, на заранее припасенной подушке. Достала припрятанный здесь том стихов Никола Буало-Депрео[1], и углубилась в чтение. Книгу она обнаружила в библиотеке отца: ее выписали из Франции вместе с другими, не догадываясь о содержании, потому как представить себе отца, читающего литературу такого толка, Беатрис не могла. Папа избегал всякого рода новизны и откровенности высказываний.

Шорох листьев заставил насторожиться. Она захлопнула книгу и подобралась поближе к перилам. Скорее всего, садовник опять выпустил пса прогуляться на ночь, хотя папа строго-настрого запретил ему это делать, особенно когда в доме гости.

На самом деле Беатрис надеялась на что-то более любопытное: например, на то, что кто-нибудь из гостей решил уединиться для поцелуев и *не только*. «*Не только*» манило ее с каждым годом все больше, но Катя при одном упоминании чопорно поджимала губы и говорила, что благородным

девицам о таком говорить постыдно. Тем более что знала *«об этом»* она не больше самой Беатрис.

Она напряженно всматривалась в темноту и, наконец, увидела мужчину. На их садовника Григория не похож. Тот чернявый и сутулится все время, а этот высокий, светловолосый, статный. Лица в темноте не разглядеть, но ей представилось, что собой недурен. Что он тут делает?

Беатрис увидела, что кто-то из гостей смотрит в сторону балкона, а незнакомец повернулся и шагнул к ней. Она отчаянно замахала на него руками: с таким-то ростом его могли заметить из гостиной. Заметят его — и ее обнаружат. Она взобралась на перила, с трудом справляясь с платьем, перевалилась через них, плюхнулась к его ногам и разглядела что-то светлое в кустах. Розовые шелка и лиловые кружевные оборки на лифе. Кажется, она даже знала, кто там лежит. Ольга, племянница ее будущего мужа.

Беатрис подняла голову и посмотрела на незнакомца. Он был красив, но в его чертах таилось нечто хищное и жестокое. Она открыла рот, чтобы закричать, но под его взглядом передумала. Моргнула, а потом просто спросила:

— Зачем вы убили ее?

— Чтобы она не убила кого-нибудь еще, — ответил незнакомец по-французски. Он смотрел на нее так, будто знал о ней все и даже больше.

— Ольга? Да вы умалишенный!

Беатрис попыталась подняться, запуталась в платье, но у

нее это все-таки получилось. Она *доверяла* ему.

— Кого она могла убить?

— Например, вас, — он шагнул ближе, беззастенчиво разглядывая ее. Кровь прилила к лицу, вспотели ладони, сердце забилось быстрее.

— Если я сейчас развернусь и уйду, вы не станете меня останавливать?

Она увидела промелькнувшее в его глазах удивление — мимолетное, едва уловимое.

— Вам хочется уйти?

— Да! — с вызовом ответила Беатрис.

Он шагнул к ней, оказываясь недопустимо близко, наклонился, заглядывая в глаза. Беатрис была высокой: жених едва доставал ей до плеча, но рядом с незнакомцем она почувствовала себя хрупкой и *по-женски* беззащитной.

— Так идите.

Беатрис снова бросило в жар: от ощущения его близости и от этого взгляда. Она повернулась к нему спиной и с гордым видом направилась к дому. Беатрис втайне надеялась, что незнакомец ее окликнет или помешает уйти. Она хотела этого настолько же сильно, насколько страшилась. Но ничего такого не произошло.

Беатрис остановилась сама, глубоко вздохнула, чтобы унять отчаянно бьющееся сердце, и неожиданно для себя шагнула назад.

— Кто вы такой!?

Незнакомца нигде не было. Беатрис бросилась к балкону, опустилась на четвереньки и не обнаружила Ольги. Она даже залезла в кусты, чтобы убедиться, что убийца не затолкал тело подальше, к ограде, но ничего не нашла. Беатрис попятилась назад, врезалась в кого-то и закричала. Ответом ей стал истошный визг Кати, которую матушка попросила выяснить, куда же запропастилась сестра.

Помолвка была расторгнута — будущей графине не пришлось ночью прятаться в кустах. Не сказать, чтобы Беатрис сильно переживала, но всерьез расстроились матушка и отец. Беседы с ними довели до слез и ее. Не столько потому, что она оказалась «позором рода», сколько из-за того, что ей предстоял месяц заточения в отдельной комнате, из которой Беатрис не позволяли выходить, не говоря уже о том, чтобы погулять в саду или в городе.

Она не могла усидеть на месте, и это наказание обернулось сущей пыткой. Ни мольбы, ни уговоры не смягчили принятого родителями решения. Тот вечер был не к добру. Ни для самой Беатрис, ни для бедной Ольги, упокой Господи ее душу — она и вправду исчезла.

Беатрис, уже решившая, что благополучно тронулась умом, после этого известия снова стала сама не своя, но поделиться своими переживаниями ей было не с кем. Родители с ней не разговаривали, Катя тоже: сестра считала, что Беатрис загубила не только свою жизнь, что ее тоже никто не возьмет замуж. Под запертую дверь к ней приходили разве

что Жан, да кухарка Антонина. Нехитрая обстановка комнаты: кровать, комод, зеркало да кресло у окна — все, что у нее осталось. Вид отсюда открывался на сад, заставляя снова и снова возвращаться к той ночи.

Беатрис не подозревала, что у этой истории будет продолжение, но оно нашло ее внезапно. Вечером шестого дня, когда за окном лил сильный дождь, она размышляла над тем, что произошло в саду на самом деле. В голову ничего путевого не приходило. Все ранее почерпнутые из толстых томов отцовской библиотеки знания — а читала она много и жадно — не давали ответа.

Дверь в комнату резко распахнулась, заставив ее вздрогнуть, и закрылась столь же неожиданно. Беатрис не успела увидеть, кто его привел, и сейчас в немом удивлении глядела на виновника ее несчастий.

— Хотел убедиться, что с вами все в порядке.

Она ущипнула себя за руку, чтобы понять, что это не сон. Сомнений не было. Тот самый мужчина сейчас стоял в ее спальне. Беатрис зажмурилась, про себя молясь, чтобы никто не узнал, что он здесь.

— Со мной не все в порядке, я по вашей милости сижу тут одна! — она открыла глаза и теперь с вызовом смотрела на него. — Как вы вообще сюда попали?! Кто вас впустил?!

— Ваш слуга. Артемий, кажется, — безразличным тоном объяснил он, рассматривая комнату так, как если бы оказался в неприглядной каморке. Беатрис стало очень обидно и за

ставшую уже родной обстановку, и за фарфоровые статуэтки, и за подсвечники в оплывшем воске.

Мужчина снова оглядел ее с ног до головы, как если бы рассматривал красивую коллекционную куклу.

— Так в чем моя вина? Никто не узнает, что я навещал вас.

— Вы как-то странно выражаетесь, — произнесла Беатрис, — не уверена, что я вас понимаю. И перестаньте на меня глазеть!

— Мне приятно на вас глазеть, — рассмеялся он. — Почему я должен отказывать себе в удовольствии?

Беатрис потеряла дар речи, а он, тем временем, продолжал.

— Вам ведь интересно, что случилось той ночью в саду?

— Интересно! — с вызовом воскликнула она. — Только с вами я даже в том, что знаю, запутаюсь. Это уж точно!

Он подошел ближе и прикоснулся к ее подбородку, продолжая неотрывно смотреть ей в глаза.

— К счастью, вы знали Ольгу лишь с той стороны, которую она хотела вам показать. Вам и другим. Так почему вы вынуждены сидеть взаперти?

Она резко отпрянула назад, хотя от его легкого прикосновения снова бросило в дрожь.

— Может, хватит уже рассказывать мне сказки? Зачем вы пришли?! — Беатрис неожиданно встала, оказавшись вплотную к нему. — Ну?!

— Меня впечатлило ваше волшебное падение с балкона,
— в серо-зеленых глазах мелькнула откровенная насмешка.
— Еще мне стало интересно, что вы думаете о случившемся.
— Я подумала, что лишилась рассудка! А теперь думаю, что стоило мне тогда закричать!

— Не лишились, — покачал головой он. — Закричать у вас все равно не получилось бы, Беатрис. Я *внушил* вам этого не делать. Надеюсь, вам больше не доведется столкнуться с нашим миром.

Он улыбнулся, и у нее мурашки побежали по коже. Беатрис не понимала, почему в ее отношении к этому мужчине собраны все полюса и оттенки эмоций. От первобытного животного страха, до желания прикоснуться, почувствовать его губы на своих.

— Вы мне понравились, Беатрис. Я хочу оказать вам услугу. Любую, какую пожелаете.

Беатрис непонимающе посмотрела на него.

— Я бы хотела, чтобы родители и сестра простили меня. И чтобы никогда больше не навязывали мне мужей, — она помолчала и добавила. — Кто вы такой? Как вам удалось пробраться ко мне в комнату? Мне запрещено выходить и ко мне никого не пускают.

— Считайте меня своим ангелом-хранителем, — незнакомец усмехнулся и приложил палец к губам. — Теперь вы сможете сами решать, за кого выйти замуж и как жить. Только никому ни слова.

Он развернулся, чтобы уйти, но Беатрис схватила его за руку, забрасывая вопросами:

— Как вас зовут? Откуда вы? Мы еще увидимся?

Ни с кем другим она такого не могла бы себе позволить, но с ним с самого начала все было по-другому. Более необычного мужчину Беатрис еще не встречала, и подумала, что больше не встретит. Он говорил непонятные вещи, но говорил так, что ему хотелось верить.

— Мое имя Сильвен. Я путешественник, — он погладил ее по щеке и пожал плечами. — Кто знает, Беатрис.

Она неосознанно потянулась за лаской, стремясь снова ощутить его пальцы на своей щеке.

— Можно я поеду с тобой? — попросила она.

— А как же родители, сестра? Будущий муж? Семья и дети? — серьезно поинтересовался Сильвен. Его слова отрезвили. Все, что она говорила и делала, внезапно показалось ей не более серьезным, чем лепет младенца.

— Я не собираюсь замуж, а после той ночи родители только обрадуются тому, что я исчезла.

— Тогда просто проживи свою жизнь, как того хочется тебе.

Беатрис хотела возразить, что он обещал ей выбор, но Сильвен шагнул вперед и быстро коснулся губами ее лба. Девушка замерла, потерявшись в чувствах и ощущениях. Разговор с ним показался далеким, половины она даже вспомнить не могла, как если бы все это происходило во сне. Беат-

рис и вправду поняла, что засыпает. Когда она вновь открыла глаза, рядом никого не было. Он появлялся и исчезал, не оставляя ничего, кроме спутанных воспоминаний и сомнений. Было ли что-то вообще?

От разочарования и отчаяния Беатрис едва не заплакала. Она обхватила себя руками, вспоминая, как ее бросало то в жар, то в холод — от его близости, от прикосновений. До безумия хотелось коснуться его губ. Каково это, когда целуешь столь желанного тебе мужчину? Наверняка нечто запретное...

Беатрис услышала повернувшийся в замке ключ, и Артемий сообщил, что матушка и отец ждут ее к ужину. Поначалу она не поверила своим ушам, но перед дверями столовой столкнулась с Катей, весело щебетавшей о нарядах, а не припоминавшей Беатрис собственную не сложившуюся судьбу.

Неужели, это действительно сделал Он?! Но как?! Беатрис рискнула поговорить с матушкой и отцом, но и они вели себя *непонятно*: не выказывали холодной отчужденности и уничижительного снисхождения, как раньше. Казалось, они напроць забыли о том, что произошло в вечер несостоявшейся помолвки старшей дочери.

Ночью произошло еще кое-что запоминающееся. Дождавшись, пока Катя заснет, Беатрис выпуталась из длинной ночной рубашки, провела кончиками пальцев по плечам, спускаясь к груди. Закрыла глаза, представляя, что это делает Сильвен: легко сжала ладонью грудь, лаская ее, второй

скользнула между ног.

Беатрис бросило в жар. Она чувствовала себя такой мерзкой, отвратительной и порочной, но это было так сладко! Каждое прикосновение отзывалось непонятными, но отчаянно восхитительными ощущениями внутри. Она кусала губы, чтобы не стонать во весь голос, и неожиданно ощутила пульсацию под пальцами, от которой снизу шли сладкие спазмы. Беатрис вскрикнула, выгибаясь, а после съежилась под одеялом, не понимая, что с ней произошло. Между ног было горячо и влажно, а по телу разлилась приятная истома.

— Мари, не шуми! — недовольно пробормотала Катя, в полусне поворачиваясь на другой бок. — Сон, что ли, дурной приснился?

— Наверное, — хрипло выдохнула Беатрис, чувствуя, как пылают ее щеки.

Санкт-Петербург, Россия. Май 2013 г.

В номере Беатрис первым делом распахнула окно, впуская в комнату пасмурную прохладу Петербурга. После яркой и теплой итальянской весны такая погода в мае казалась откровенным издевательством, но только не для нее. Она словно очутилась в родном городе вне времени. Холодный, но по-прежнему дорогой сердцу: каждым камнем, каждым годом, оставшимся в истории. Беатрис с трудом подавила желание отправиться бесцельно бродить по улицам.

Она устроилась на диване, положив голову на подлокотник. Уютный, в светло-зеленых тонах номер «комфорт» идеально подходил для романтических свиданий. Шкаф с зеркальными дверями располагался напротив двуспальной кровати, у стены на столике стоял плазменный телевизор и телефон.

Беатрис достала мобильный, испытывая смесь тревоги, сожаления и тоски, потому что не могла позвонить Люку. Ей хотелось услышать его голос, но поговорить с ним сейчас было нельзя. За семьсот лет Вальтер обзавелся недетской паранойей. Его лаборатория отрезана от материков не только водой, но отсутствием какой-либо связи.

В душе Беатрис включила воду потеплее, с наслаждением стоя под сильным потоком воды. Какие бы чувства ни охватывали ее при возвращении в Петербург, она сумеет с ними справиться. Оставлять прошлое за спиной, не тащить с собой лишний груз — главное правило выживания в *их мире*. Иначе рано или поздно оно сведет тебя с ума. Или убьет.

Санкт-Петербург, Россия. Конец XVIII в.

Забыть Сильвена не получалось, несмотря на то, что их встречи напоминали сновидения: непонятные, затертые в памяти до отрывочных эпизодов. Она злилась на него за то, что он исчез, оставив о себе лишь воспоминания и чувство влюбленности, от которого Беатрис хотела избавиться. Но

чем больше она старалась, тем больше увязала в нем. В отличие от загадочного мужчины, который продолжал ей сниться, но не спешил объявляться, Дмитрий Воронов был реален. В Петербурге его скандальная репутация закрыла молодому офицеру путь во многие дома.

Беатрис познакомилась с ним спустя год на приеме в честь Катиной помолвки. Сестра обладала покладистым характером, и родители сосватали ей отличную партию. О том, что старшая дочь покинет их дом, они и думать забыли, или же утратили на то всякую надежду.

Репутация Дмитрия — развратного повесы, заинтриговала Беатрис. Оказаться в их доме ему случилось лишь благодаря родству с именитым дядюшкой, сватом со стороны жениха для Катерины. Дамы в сторону Воронова не глядели: гордо отворачивались, прикрывая лица веерами, стоило Дмитрию появиться рядом. Мужчины сторонились вести с ним долгие беседы, дабы избежать негодования общества и собственных жен.

Дмитрия подобное отношение не беспокоило, он пил шампанское, разглядывал хорошеньких женщин и собравшуюся на приеме публику так, будто это они были притчей во языцех. Высокий, светловолосый, с насмешливым взглядом жгучих темных глаз, он отчаянно напоминал ей Сильвена.

Беатрис бросала на него заинтересованные взгляды, а Дмитрий отвечал откровенными. Воспользовавшись момен-

том, он подмигнул ей, салютуя бокалом, и вышел из залы. Беатрис выждала время и поспешила за ним. Воронов дожидался ее в одном из боковых коридоров — там, куда не доносилась музыка и не заглядывали даже слуги. Убедившись в том, что поблизости больше никого нет, Беатрис кивнула ему на нишу, задрапированную портьерами.

— Вы та самая прелестница, которая в день своей помолвки спряталась в кустах? — в темноте его близость обжигала и будоражила еще больше, чем взгляды в зале.

— Интересуетесь прелестницами в кустах? — парировала Беатрис и взяла его за руку. Прикосновение прошло по телу жаркой волной.

— Вас не волнует ваша репутация? — он коснулся губами ее шеи, и она вздрогнула от откровенной ласки.

— А вы совершенно не оправдываете свою.

Именно тогда она впервые испытала истинное наслаждение близости с мужчиной. В тот вечер Беатрис забыла даже о Сильвене.

Они стали любовниками, и кричащей темой для сплетен в Петербурге. В родительском доме и доме сестры она стала нежеланной гостьей, но Беатрис это мало беспокоило. Рядом с Дмитрием она наслаждалась каждой минутой, с ним она впервые побывала в Париже, гуляла по Елисейским полям и звонко смеялась, когда он шептал ей на ухо всякие непристойности. Мысль о том, каково это было бы рядом с Сильвеном, Беатрис настойчиво гнала прочь.

Дмитрию нравилась откровенность любовницы и то, что она не претендовала на его руку и сердце. Изучая его, Беатрис с интересом познавала и себя. Она не стеснялась в выражении наслаждения и не боялась говорить о том, что ей нравится в сексе. Жизнь превратилась в карнавал страстей, и о будущем Беатрис думала мало. Тем неожиданней стало признание Дмитрия в любви и предложение выйти за него.

Недолго думая, она согласилась. С Вороновым Беатрис было легко и интересно. Матушка, отец и его родня, уже отчаявшиеся пристроить непутевых отпрысков, вздохнули с облегчением и перекрестились. Они обвенчались в небольшой церкви, подальше от Петербурга, и после свадьбы все изменилось.

Беатрис и предположить не могла, что Дмитрий такой собственник. Ей откровенно льстило, какими взглядами он награждал мужчин, осмелившихся взглянуть на нее, и даже то, что не отпускал от себя ни на шаг. Свободолюбивая молодая женщина, все еще жившая где-то внутри, пыталась воззвать к голосу разума, но Беатрис упорно сопротивлялась.

У нее было достаточно свободного времени в его отсутствие, да и мысли о Сильвене благодаря мужу посещали все реже. Дмитрий часто пропадал с друзьями: случалось, что не приходил домой ночевать. Ревности она не испытывала, тем более что их страсть не угасала.

Беатрис замечала странные вспышки ярости, которые у Дмитрия случались все чаще и чаще, но он никогда не злился.

ся на нее. Когда же она узнала, что понесла, муж окружил ее заботой и вниманием, каковых не случалось даже в первые месяцы их знакомства. В такие дни Беатрис с нежностью вспоминала начало их отношений, и думала, что Дмитрий был послан ей Богом.

Тем вечером ничто не предвещало беды. Дмитрий соби-
рался ночевать в казармах: им предстояли учения. Беатрис,
будучи безмерно далекой от воинского дела, ни о чем не
спрашивала. Она посвящала все свое время подготовке к по-
явлению на свет малыша или малышки. Нежность и любовь,
переполнявшие ее в эти дни, сменялись грустью и слезами,
после которых Беатрис чувствовала себя полностью опусто-
шенной.

Она проснулась ближе к полуночи, ощутив чье-то присут-
ствие. Успела только увидеть высокого мужчину, шагнувше-
го к ее постели, встретила с ним взглядом, и снова прова-
лилась в сон. В себя Беатрис пришла в подвале — столь сы-
ром, что холод пробирал до костей. Она сидела на стуле, со
связанными за спиной руками. Кляп во рту мешал дышать,
и Беатрис перепугалась до смерти.

— Мария, — голос был издевательски-вежливым, — доб-
ро пожаловать.

Беатрис старалась дышать глубоко и ровно, но стоявший

перед ней мужчина пугал ее до дрожи. Бледный, как сама смерть, с тонкими губами и большим родимым пятном на щеке.

— Как такая светлая женщина могла связать жизнь с таким человеком?

Он подошел и выдернул кляп. Стало немного проще, теперь не грозило захлебнуться собственной рвотой. В последнее время ее часто тошнило. Из темноты выступил другой мужчина, высокий, с пронзительным взглядом. От ярости, светившейся в его глазах, Беатрис похолодела.

— Она и правда ничего не знает?

— Вполне вероятно.

— Но как?

Высокий приблизился к ней вплотную, наклоняясь и заглядывая в глаза.

— Расскажите нам, Мария. Как вы ведете свою благополучную светскую жизнь, не зная о том, что ваш муж палач, убийца?

Палач?! Убийца?! Эти люди ошиблись, они говорят о ком-то другом.

— Дмитрий и мухи не обидит, — прошептала Беатрис. — Он играет со щенками и котятами, приносил домой раненого на охоте пса, и мы вместе лечили его.

— Женщины — странное племя, — высокий отступил. — Придется вам показать. Семен, развяжи ее.

— Но...

— Выполняй.

Тот подчинился, и спустя минуту Беатрис уже растирала запястья, не представляя, как будет передвигаться на затекших ватных ногах.

— Пойдемте.

Они прошли по длинному коридору. Пламя свечи, которую нес высокий, слегка подрагивало и извивалось. Казалось, эта свеча была единственным источником тепла в темном, промерзшем насквозь подвале. Мужчина остановился перед небольшой низкой дверью.

— Вы в положении.

— Пожалуйста, не...

— Мне очень жаль.

Он отпер большой замок и открыл перед ней дверь. Беатрис пришлось пригнуться, чтобы войти. Она вдохнула и ее замутило. Запах гниения и смерти был повсюду. А потом она споткнулась обо что-то лежавшее на полу, и мужчина подхватил Беатрис под локоть.

— Смотрите, Мария, на дело рук вашего мужа.

Он присел на корточки, и пламя свечи осветило зверски изуродованное тело мертвой женщины. Длинные спутанные волосы были покрыты засохшей коркой крови, ее лицо и тело представляло собой скопище жутких язвенных ран. Сквозь разорванную кожу под неестественным углом торчали острые обломки костей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.